

№ 83 ЦЕНА 10 СЕНТ.

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

ДЕКАБРЬ 1934 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

10-й год издания

МЫ И РОССИЯ

Экономическая нищета и политическое бесправие монархической России заставили многих рабочих и крестьян покинуть родину и искать экономического благополучия и свободы за ее пределами.

Мартовская революция 1917 года уничтожила монархический режим, установила широчайшие политические свободы и тем самым сделала Россию самой свободной страной в мире. Но эта революция носила политический характер — она не коснулась капиталистических основ, которые по своей природе являются источником нищеты и эксплоатации широких трудовых масс. Больше того, эта революция не позволяла прикасаться к этим основам и строго их оберегала. Широкие политические свободы, таким образом, стояли в кричащем противоречии с экономической зависимостью населения страны от небольшой кучки собственников земли, орудий и средства производства и всего остального богатства. Эта зависимость, фактически, как всегда и везде, поставила под угрозу само существование свободы. На почве этих противоречий протекало дальнейшее развитие революции, которое в ноябре 1917 года привело к полному устранению этих противоречий, к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению в России капитализма. С устранением последнего устранялась, **как думали,** главная причина экономической нищеты и угроза свободе.

Крестьяне захватили землю, рабочие — фабрики и начали сами свободно строить новые свободные общественные формы жизни. Россия покрылась густой и сложной сетью свободных городских и сельских общин и политически превращалась в свободную федерацию десятков тысяч вольных советов. Государство исчезало и замещалось великим принципом Парижской Коммуны — КОММУНАЛИЗМОМ, то-есть федерацией независимых сельских и городских общин. Крестьяне поделили землю и стали сами управлять ею, как общественной собственностью, при помощи своих Земельных Комитетов. Рабочие установили на фабриках свое свободновыбранное и сменяемое Рабочее Заводо-Управление и стали превращать фабрику в производственную коммуну, ведущую производство в интересах всего населения страны. Жители городов захватили в свои руки дома и управляли ими при помощи свободных Домовых Комитетов, которые, к тому же, постепенно становились первичными органами потребительской коммуны и охраны порядка и спокойствия — органами САМООХРАНЫ. Армия, угроза всякой свободе, была уничтожена и заменялась ВСЕОБЩИМ ВООРУЖЕНИЕМ НАРОДА. Одним словом, на нашей родине впервые в мире создались условия для процветания действительной свободы, действительного экономического равенства и действительного братства, т. е. условия, к которым стремится все культурное и передовое человечество.

Душой и телом рабочие и крестьяне эмигранты рвались на старую родину, совершавшую социальные чудеса перерождения; но война, а затем блокада стояли

непреодолимыми препятствиями между ими и родиной. Наконец, война окончилась, снята блокада, нет больше гражданской войны в России и они, многие из них, со священным трепетом поехали на родину, как в землю обетованную.

Что же они нашли там?

Они нашли страшную реакцию, которую называют революцией; они нашли попрание самых элементарных человеческих прав и свобод, деспотизм в форме „диктатуры пролетариата", точнее — они нашли там беспощадную диктатуру нового класса, БЮРОКРАТИИ, над пролетариатом и всем остальным населением; они нашли там государственное экономическое рабство, в сравнении с которым наемное рабство капиталистических стран — детская игрушка; они нашли безысходную нужду, доходящую до последней степени нищеты, которой, как язвой, поражены широчайшие рабоче-крестьянские массы; они нашли там старый знакомый им голод, миллионы могил, расстрелы, переполненные тюрьмы, концентрационные лагери и места старой царской ссылки; они соприкоснулись там с азиатским произволом огромного, мугущественного военно-полицейского государства; наконец, они нашли там все революционные завоевания нашего народа и все результаты прогрессивных усилий дореволюционных поколений под стеклом в Музее Революции вместе со свободой и самой революцией.

Жить под таким режимом можно только основательно забыв свое человеческое достоинство, превратившись в рабочую скотину. И они снова вынуждены были покинуть родину, но уже со страшной раной в сердце.

Если свобода в республиканском демократическом капиталистическом обществе, исключающем экономическое равенство, есть обман, привилегия и несправедливость, то социализм без свободы, как показывает наша родина, есть рабство и скотство.

Мы, делотрудовцы, не желаем ни того, ни другого ни одному народу, а тем более своей родине.

Очутившись снова на чужбине, по тем же самым причинам, как в царское время, мы теперь так же, как и тогда, считаем своим священным долгом перед нашим народом, перед всем трудовым человечеством вести борьбу за свободную Россию, за довольство в ней для всех, за экономическое равенство, без которого невозможна никакая свобода, поэтому мы торжественно заявляем себя непреклонными врагами существующего в России режима, мы разоблачаем и будем разоблачать его перед трудящимися всех стран и бороться с ним до победного конца.

Опыт России показал и убедил нас, что вовсе недостаточно, как говорят государственные социалисты всех школ, уничтожить частную собственность, чтобы придти к бесклассовому обществу, к свободе и экономическому равенству. Оказывается, как показывает опыт нашей родины, нужно еще для этого уничтожить и государство, которое, будучи оставлено даже в самой либеральной форме, неизбежно уничтожает свободу, устанавливает привилегии, порождает новый господствующий класс — БЮРОКРАТИЮ и создает режим государственного рабства, самого ужасного, потому что оно всеоб'емлюще.

Восстановление, углубление и расширение ноябрьских завоеваний 1917 года — вот наша цель.

Мы, делотрудовцы, хотим видеть Россию свободной Федерацией свободных общин, Федерацией сложной сети вольных трудовых советов.

Мы хотим видеть нашу родину свободной экономической Федерацией вольных фабрик, мастерских и полей, превращенных в производственные коммуны, ведущие все народное хозяйство и интересах довольства для всех.

Мы хотим, чтобы в основе нового свободного порядка нашей родины лежал свободный общественно-полезный труд для всех равный и для всех морально обязательный.

Мы боремся за установление такого порядка на нашей родине и зовем на эту борьбу всех своих соотечественников, рассеяных на чужбине.

Мы за равенство, свободу и братство. Об'единяйтесь с нами!

Г. Максимов.

Сухая гильотина

Тов. М. Мрачный, являющийся секретарем американской секции Комитета Помощи Арестованным и Ссыльным Русским Анархистам и Анархо-синдикалистам при Международном Товариществе Рабочих сообщает, на основании полученных из России сведений, что молодой наш товарищ, о котором недавно сообщалось в нашей мендународной прессе — МИЛЛИ РУВИНСКИЙ, — умер в Курске. Товарищи, которые нас известили о его смерти, подчеркивают, что 30 летний Рувинский, проведший одну треть своей жизни (10 лет!) в большевистских тюрьмах и ссылках, умер от голодовки, которую он последний раз об'явил в Курской тюрьме. Эта голодовка вконец подорвала его организм и послужила причиной смерти.

Да, господин Сталин прав — в России построен фундамент социализма, только социализма негодяев и для негодяев. Русский народ запишет эту молодую жизнь в долговую книгу и в свое время потребует этот долг оплатить сполна, господа мастера сухой и мокрой гильотины!

О ЕДИНОМ ФРОНТЕ*)

Торонто, Окт. 20, 1934

Дорогой товарищ, я с интересом прочитала ваши „отражения 2-го Американского конгресса против войны и фашизма“. Я замечаю, что вы опять увлечены численностью. Я думала, что вы будете смотреть в корень вещей; после всего, вы, ведь, не новичек в анархическом рабочем движении: вы видели большие массы на разных конференциях, которые созывались по различным поводам и которые претендовали, что они ведут работу в интересах революции. Я могла бы понять молодежь, которая в активности нуждается более, чем в теории, чтобы воодушевиться от одного вида большой толпы, воображающих себя делегатами, от большого шума и хорошей сцены, искуссно манипулирующей светом и тенями поставленной пьесы. Но как вы могли быть так легко сбиты с толку?

Соглашаюсь, конференция, вероятно, действительно была „прекрасной выставкой“. Но была ли это „искренность, энтузиазм, или подлинное единство принципов в борьбе против войны и фашизма“, — это вопрос другой. Несомненно, там было много искренних людей, готовых бороться против войны и фашизма, но никто не уверит меня, что коммунистические делегаты, присутствовавшие там, были среди „искренних“, даже если они были настроены „энтузиастично“. Мои сомнения покоятся на фактах прошлых событий, например, Лондонская конференция, которую я посетила, тоже была энтуазиастична, но ей определенно не хватало искренности по отношению к войне и фашизму. Конференции, как в Англии так и повсюду, организованные и разыгранные коммунистами — ничто иное как пропаганда за советский режим и я удивляюсь, что среди так много одураченных оказались и вы.

Вы утверждаете, что Роджер Болдвин вас уверил, что „на конгрессе коммунисты не господствовали“. Вы прибавляете, что они имели только 105 делегатов. Допустим, что это так. А как же относительно других делегатов? Примерно — 343 представляли движение молодежи, 44 — свободные профессии, 150 — безработных и все остальные. Кто они если не коммунисты и не их прихвостни под другими названиями? Разве вы за все прожитые вами годы не постигли иезуитских методов, пользуемых московскими официальными коммунистами, чтобы не знать, что, хотя они и организуются под разными фиктивными именами, их цель остается постоянно одна и таже? Вы можете восхищаться их способностью проникать повсюду, но нужно быть слепым, чтобы не видеть к чему они стремятся. Коммунисты, как иезуиты, не только использовывают все движения до конца, но они не настолько щепитильни, чтобы остановиться перед принесением в жертву человеческой жизни, если этого требуют их интересы. Они так поступили во время стачки кентоккских шахтеров, они так поступили в деле Сакко и Ванцетти, в деле Муни и Биллингса, а теперь в Скаттборском процессе — уже происходят какие-то темные дела между Интернациальной Рабочей Защитой и лидерами по защите юношей. Несомненно одно — всякая организация, которая когда либо об'единялась с коммунистами, горько раскаивалась за свой промах. Так будет и с вами, мой дорогой, я уверена в этом.

Но вернемся к уверениям Роджера Болдвина, что только 105 делегатов были коммунисты. Разве не звучит для вас странно, что они смогли провалить нашу резолюцию? Я не сомневаюсь в искренности и целостности Роджера Болдвина. Я слишком долго знаю его таковым. Я только besомневаюсь в его суждении. Главная беда с Роджером — он пытается быть всем для всех, в следствии чего часто насилует свои собственные идеи. Но как вы, находясь всю жизнь в наших рядах, опустились до этого? Если чем анархическое движение и наши идеи отличаются от всех других движений и идей, то только именно тем, что мы отказывались служить многим богам.

Вы признаете, что Франку Хайнеру не дали говорить, несмотря на то, что он был делегатом. Мне также известно, что наши товарищи, пытавшиеся распространить свою резолюцию, были вытолкнуты и с ними обращались оскорбительно. Итак, если конференция не была достаточно терпимой, чтобы выслушать нашего делегата или разрешить распространять

*) Данное письмо является ответом тов. Э. Гольдман
тов. Джо Гольдману на его восторженный отчет о 2-м
антивоенном и антифашистском американском конгрессе,
состоявшемся в Чикаго 28-30 сентября с. г. Из всех чикагских групп только одна высказалась за принятие участия в конгрессе в целях пропаганды. Коммунисты конгресса научили эту группу как нужно относиться к разного рода большевистским затеям. *Ред.*

нашу точку зрения на войну, то какой шанс мы будем иметь на это в „едином фронте"? Я вижу, что вы очень оптимистичны относительно шансов анархистов „закрепить наши права и нашу свободу в едином фронте". Простите, дорогой товарищ, что я рассматриваю это худшей близорукостью, которую я когда либо встречала в течении долгого времени. Откровенно говоря, если бы я не знала о вашем долгом служении анархическим идеям и о вашей ясности в других делах, я была бы уверена, что это предложение исходит от страшно путанного и хаотического ума.

Простите, дорогой товарищ, если я скажу, что вы имеете кое-что от психологии Роджера. Вы принимаете ошибки и непоследовательность, как и он. Вы цитируете написанный Хайнером манифест, который распространялся. Вы соглашаетесь с нашей позицией, что „мы отказываемся поддерживать всякое правительство во всякой войне", и все же настаиваете, что было бы „преступно, если анархисты не будут кооперировать" с теми самыми людьми, которые стоят за самое сильнейшее из всех правительств, за полную диктатуру. Вы также хотите быть всем для всех. Такими методами вы принесете огромный вред вашим собственным идеям и нашему движению.

Вы рассматриваете как замечательную заслугу то, что Люсе Парсонс был дан шанс говорить и что она была принята с энтузиазмом. Вы, кажется, забываете, что коммунисты великодушные хозяева, пока вы им служите. Люся Парсонс работала с коммунистами и за коммунистов, как только они стали активными. В этом отношении она, в сравнении с Альбертом Парсонсом, который пожертвовал своей жизнью только потому, что другие не были включены в помилование губернатора Оглесби, которое он ему хотел дать, пошла назад. Можете ли вы представить, чтобы Альберт был за единый фронт с людьми, чье правительство травит, преследует и убивает его товарищей в России? Вдова же анархиста Альберта Парсонса не только сама в союзе с коммунистической шайкой, которая, если бы она была у власти, применяла бы тот же самый террор против товарищей ее мужа, как в России; она также чинно сидит, когда председатель конференции без зазрения совести скрывает факт, что ее муж был анархистом. Я не беспокоюсь о непоследовательности г-же Парсонс, я беспокоюсь о вашей.

Разве не было бы более целесообразней, если бы вы помогли создать боевое, аггрессивное анархическое движение, которое давало бы молодежи некоторый выход, создать движение, которое привлекало бы многих из тех, которые ныне, за недостатком энергичной анархической революционной активности, идут к коммунистам. Я, поэтому, должна буду занять позицию против вашего единого фронта с коммунистами. Если бы даже никто из наших товарищей не был бы принесен в жертву в Сов. России, я не была бы за об'единение с лживым движением против войны и фашизма, которое просто прикрывает пропаганду за диктатуру и компартию. С переполнеными же нашими товарищами тюрьмами и концентрационными лагерями, где многие из них медленно убиваются, я рассматривала бы как величайшее предательство наших идей какой бы то ни было торг с ними, (с коммунистами).

. . . .

. . . .

. . . .

Мы должны и можем организовать нашу собственную противо-военную и противофашистскую кампанию против войны ВСЕХ правительств, ВСЕХ диктатур — будь-то красная, черная или же грязно-коричневая.

Эмма Гольдман.

---

14 лет непрестанных преследований

Имя Арона Барона известно многим американским товарищам по Чикаго, Детроиту и др. городам. Все знают этого, по большевистской терминологии, „контр-революционера", посвятившего всю свою жизнь делу полного и всестороннего освобождения трудящихся, но не все знают, что Барон уже 14 лет, как мяч, бросается большевиками из одной тюрьмы в другую, из одной ссылки в другую. Так, недавно, по полученным нами сведениям, он снова был арестован в Воронеже, место его ссылки, просидел два месяца в тюрьме и отправлен в новое место ссылки, в Тобольск, Сибирь.

Сухая большевистская гильотина продолжает неустанно работать. Почему большевики Америки и других стран, крича о едином фронте борьбы с душителями свободы рабочих, никогда не упоминают о русских душителях? Понимают ли рядовые коммунисты, что они несут всю ответственность за московских душителей и их действия?

Свобода без социализма это — привилегия, несправедливость; а социализм без свободы это — рабство и скотство.

М. А. Бакунин.

ВНИМАНИЕ!

Товарищи, — не забывайте политических заключенных и ссыльных в СССР. — Их участь и положение — ужасные.

Анархический коммунизм и современная агро=номическая наука

Одной из основных мыслей Кропоткина, которая наиболее часто подвергалась нападкам со стороны писателей, принадлежавших к разным лагерям, являлась мысль о наличии децентрализующих тенденций в современном хозяйстве, полное развитие которых сделает возможным построение хозяйственно самостоятельных коммун, основанных на целостном соединении физического и умственного труда. Кропоткин, в частности, останавливался на тенденциях современной земледельческой техники, сознавая, что в соединении земледелия и промышленности в хозяйстве коммуны и лежит ключ разрешения проблемы создания интегральных хозяйственных единиц коммуны. В своей книге: „Поля, Фабрики и Мастерские", он задался целью показать огромные прогрессивные возможности, заложенные в современной земледельческой технике, в значительной степени делающей земледельческое хозяйство независимым от климата и почвы, и тем самым создающей предпосылки для уничтожения разделения труда между чисто земледельческими и промышленными областями. Согласно Кропоткину, уничтожение такого разделения вовсе не сопряжено с деградацией хозяйства, ведущей в конечном счете к усиленной затрате человеческого труда. Наоборот, интенсификация земледельческого хозяйства, являющаяся, по Кропоткину, направляющей тенденцией его, означает вместе с тем сокращение трудовых вложений на каждую земледельческую единицу. Иначе говоря, соединение земледелия с промышленностью в пределах одной коммуны, создание некоторого базиса для хозяйственной независимости коммуны в области земледельческого хозяйства не только приведет к росту благосостояния, но так же и к увеличению досуга, к сокращению обязательного труда, необходимого для поддержания хозяйства.

Эти положения Кропоткина, как известно, подверглись особенно резким нападкам с разных сторон. Нео-мальтузианцы усмотрели в допущении возможности такого прогрессивного хозяйства умаление учения Мальтуса о диспропорции между ростом производительных сил и численным ростом человечества; буржуазные экономисты, из академического лагеря, ополчились против Кропоткина во имя закона убывающего плодородия, гласящего, что всякое дополнительное вложение капитала и труда в земельное хозяйство дает все уменьшающиеся результаты. Земледельческое хозяйство высокой интенсивности считалось этими учеными непроизводительным с экономической точки зрения и те многочисленные примеры в доказательство противного, которые Кропоткин так тщательно подобрал в своей книге, относились к исключениям, успешность которых об'яснялась своеобразными условиями, яко-бы незамеченными Кропоткиным, а потому совершенно умаляющими доказующее значение этих примеров. Эти писатели отрицали возможность быстрого революционного развития земледельческой техники, могущей поставить старые агрикультурные страны в условия, позволяющие им выдержать конкуренцию с новыми странами девственных земель. Отсюда вытекало признание ими разделения труда между высокопромышленными и чисто земледельческими странами, как явления естественного порядка, а также и слишком примирительное отношение к тяжелому положению европейского крестьянства, об'яснявшегося замедлением роста земледельческой техники и конкуренцией новых, более плодородных земель. И, конечно, утверждение Кропоткина, что сравнительно небольшие области могут достигнуть значительной самостоятельности в области земледельческого хозяйства, относилось этими писателями к области чисто утопических построений, обусловленных общественным идеалом Кропоткина, но не подтверждаемых данными современной науки.

Еще более резким образом обрушились на Кропоткина марксисты. Их исходным пунктом при этом был, не закон убывающего плодородия, условный и ограниченный характер которого ими признавался наряду с Кропоткиным, но ошибочная идея неизбежности концентрации земельных хозяйств в руках немногих владельцев. Прогрессивный рост земледельческого хозяйства ими усматривался во все большем приложении машинной техники, требующей экстенсивного хозяйства на больших пространствах для высшего своего эффекта, а не в интенсификации земледельческого хозяйства, т. е. в усиленном вложении капитала и труда на каждую земельную единицу. Этот ошибочный подход совершенно исказил их перспективы в отношении земледельческого хозяйства, и одно время привел их к принятию типа гигантских хозяйств, народившихся в 80-х годах прошлого столетия в Америке, как

на показательный пример того, чем будет прогрессивное земледельческое хозяйство в ближайшем будущем. И даже тогда, когда это ближайшее будущее показало полную нежизнеспособность этих хозяйств, марксисты все еще продолжали упорно верить в конечную победу этих последних. Совсем еще недавно „пшеничные фабрики" Кэмпбелла на западе Америки превозносились марксистской печатью всего мира как идеал земледельческого хозяйства, хотя условия, при которых они были созданы, и одно время процветали, были настолько исключительны (чрезвычайно низкая аренда девственных земель), что говорить о показательном значении их в отношении прогрессивных форм земледельческого хозяйства могли лишь люди, совершенно незнакомые с этой проблемой. Вдобавок, эти „пшеничные фабрики" оказались еще более беспомощными перед лицом агрикультурного кризиса, чем обыкновенное фермерское хозяйство. В Советской России, как известно, строительство гигантских совхозов тоже было обусловлено этой ошибочной идеей, которая за последнее время умалена самой советской действительностью. Гигантомания в области совхозного строительства идет быстро на убыль и преобладающим мнением теперь является то, что колхозное хозяйство средних размеров заключает в себе больше возможностей для прогрессивного развития в области земледелия, чем гигантские совхозы. Но как бы дело не обстояло сейчас, 30 или 40 лет тому назад эта ошибочная установка марксизма на яко-бы неизбежный процесс все растущего поглащения крупными хозяйствами более мелких вытекала из непреложного догмата, во имя чего идеи Кропоткина и подверглись самому суровому осуждению. Не целостное хозяйство самодовлеющих коммун, соединяющих в своих пределах промышленный и земледельческий труд, но жестская централизация земледельческого хозяйства, насаждение крупных „хлебных фабрик" в наиболее пригодных районах, означавшее, в сущности, продолжение прежнего разделения труда между промышленными и земледельческими областями.

Более четверти века прошло с тех пор как книга Кропоткина: „Поля, Фабрики и Мастерские", появилась в свет. Что же говорит современная наука по поводу высказанных Кропоткиным в этой книге положений? Некоторым ответом на этот вопрос может служить недавно вышедшая книга одного из самых видных американских ученых агрономов — проф. Б. О. Вилкокса (B. O. Wilcox, „The reshaping of agriculture). Книга эта до некоторой степени явилась откликом на взбудоражившую американское общественное мнение волну технократических изысканий по вопросу о достижении современной техники и вызываемом ею тупике хозяйства. Сам Вилкокс, хотя и не технократ по своей основной установке, был, однако, вынужден поставить вопрос в той же плоскости, что и технократы, а сами собой напрашивающиеся заключения столь же революционны и столь же подтверждают учение Кропоткина, как и изыскания ученых из технократического лагеря.

Раньше всего эта книга подтверждает положение Кропоткина, что будущее в земледелии принадлежит не огромным хозяйствам, обрабатываемым экстенсивным путем, как это ошибочно утверждали марксисты, а интенсивным хозяйствам, требующим сравнительно небольших земельных пространств. Проф. Вилкокс показывает как это положение логически вытекает из основных формул современной агрономической науки. Здесь, конечно, не место излагать математические формулы, приводимые автором, но его основная мысль может быть указана в нескольких словах. Урожайность, согласно современной агрономической науки, является точно установленным отношением между количеством питательных веществ, необходимых для жизни растения (включая и воду) и жизнеспособностью каждого сорта семян, могущей быть выраженной в точных математических формулах. Это отношение стремится к пределу, т. е. к максимуму производительности для каждого вида. Так как роль почвы, помимо того что она является сосудом питательных веществ и воды, уже учтенных в этой формуле, сводится еще лишь к опоре для растений, то ее, почву, можно рассматривать как постоянный фактор, удельный вес которого становится тем меньше, чем больше урожайность приближается к пределу, установленному наукой. Иначе говоря, расходы, связанные с этим фактором — труд, стоимость земли и т. п., — неизбежным образом должны УМЕНЬШАТЬСЯ по мере увеличения вложения на каждую единицу. Кропоткиным уже было указано, что тот же самый урожай с небольшого и более крупного участка земли потребует меньше человеческого труда в первом случае, чем во втором. Тоже самое, конечно, относится ко всем расходам, связанным с владением землей.

Но как же насчет закона убывающего плодородия? Не потребует ли интенсивное хозяйство на небольшом участке земли такого огромного приложения капитала, которое совершенно поглотило бы достигнутую экономию в других областях?

Ответ, данный на этот вопрос проф. Вилкоксом, уничтожает все эти доводы, которые когда то приводились против Кропоткина. Закон убывающего плодородия, так как он формулируется агрономической наукой, есть нечто совершенно отличное от того, что под этим подразумевают некоторые экономисты. Первый говорит о пределе, к которому стремится отношение между вложениями в почву и урожайностью, но в границах этого предела (или скорее приближением к нему), каждое последующее вложение дает чрезвычайно ощутительные результаты в виде повышения урожайности. При нынешних, однако, условиях бывает, что усиленные вложения на данный участок земли, вполне оправдываемые современной наукой, не дают соответствующего повышения доходности. Это об'ясняется монопольными ценами на удобрения, высокими процентами на займы, которые приходится делать фермеру, и крупными барышами посредников. Фермеров грабят, но в этом, говорит Вилкокс, не вина современной науки, а теперешней хозяйственной системы. Возводить же обстоятельство, порождаемое последней, в научный закон — это значит исказить характер научного построения, на что указывал в своих работах и Кропоткин.

Но как велик этот предел, за границами которого дальнейшая интенсификация становится уже непродуктивной? Может быть он не так уж на много превышает среднюю урожайность современного земледелия, в случае чего, конечно, все старые доводы против Кропоткина приобрели бы большую силу? Тогда довольство для всех было бы неосуществимым идеалом, а децентрализация земледельческого хозяйства и создание самодавлеющих районов — фантастической грезой анархического мечтателя. В этом отношении цифры, приводимые автором, не только подтверждают положения Кропоткина, но в значительной степени идут дальше их, что, принимая во внимание огромные достижения агрономической науки за последние 30-40 лет, вполне понятно. Средняя урожайность главных земледельческих культур в Америке не достигает даже одной десятой того, что наука установила как возможную и должную норму — она колеблется для разных культур, но в общем равняется 8.5%. Это значит, что менее чем одна десятая часть земельной площади, находящейся под обработкой, была бы достаточна, чтобы собрать такой же урожай, как сейчас со всей площади; а принимая во внимание, что уменьшенная площадь земли потребовала бы и меньше рабочих рук, то, как вычисляет автор, лишь одной пятой человеческого труда, употребляемого ныне в земледелии, было бы достаточно для той же самой цели.

Читатели могут спросить здесь: а может быть эта высокая урожайность, установленная наукой, является лишь идеальной нормой, добраться до которой современному земледелию очень трудно? Ответ, даваемый автором на этот вопрос, опять таки вполне соответствует методам исследования, применяемым Кропоткиным в книге: „Поля, Фабрики и Мастерские“. Он берет целый ряд отдельных хозяйств прогрессивного типа и их среднюю урожайность в доказательство того, что научно установленный предел вовсе не так уж недосягаем. Среднее фермерское хозяйство в страшной степени отстает от того, что наука устанавливает как возможную урожайность, но отдельные хозяйства так далеко ушли от этого среднего показателя, что во многих отношениях они уже очень близко подошли к научно установленному пределу. Средняя для этих хозяйств уж составляет не 8.5% научной нормы, а 70-80%. Разница еще более колоссальна чем та, которую Кропоткин устанавливал между передовыми и средними хозяйствами. Если же такие достижения стали практикой дня, говорит наш автор, как бы отвечая на возражения, одно время делавшиеся против Кропоткина, — то не может быть сомнения, что они под силу земледельческому хозяйству в целом. Таков закон агрономической науки, что, если при каких либо научно-контролируемых условиях один какой либо сорт дал определенный урожай, то последний может быть воспроизведен при создании таковых же условий. И вот, исходя не из научного предела, а из действительных достижений передовых хозяйств, и даже количественно учитывая возможное действие целого ряда случайных факторов, не подлежащих еще полному контролю науки, автор приходит к выводу, что площадь земли несколько меньшая той, которая находится под обработкой в одном лишь штате Кензас, была бы достаточна, чтобы воспроизвести урожай 1930 г., создавший огромный излишек для экспорта. Потребности Соединенных Штатов могли бы быть удовлетворены обработкой лишь одной шестой части обрабатываемой в Иллинойсе площади (около 5 милл.), а если принять во внимание, что современное механизированное хозяйство требует всего лишь одного человека на 25 акров земли, то мы получаем, что ничтожное количество фермеров могло бы прокормить все население, если бы среднее хозяйство подтянулось под уровень передовых хозяйств.

Когда, полвека тому назад, Кропоткин утверждал, что коммуна, состоящая из Парижа и двух прилегающих к нему округов, могла бы стать самодостаточной в отношении земледельческого хозяйства, марксистская печать всего мира подняла его на-смех. Дешевенькие коламбуры Плеханова смаковались как уничтожающие доводы, хотя в них не было и капли действительного понимания современного земледелия. А проф. Вилкокс, совершенно далекий от коммунизма, ставит вот вопрос: смог бы такой город, как Нью-Иорк, население которого в три раза превышает население коммуны, которую Кропоткин имел в виду, когда писал книгу „Хлеб и Воля", пропитаться на территории, равняющейся пространству им занимаемому? Ответ дается утвердительный — не только смог бы прокормиться, но и мог бы получить часть необходимого сырого материала, и все это может быть достигнуто при ничтожно малой затрате человеческого труда: 10.000 человек вполне достаточно.

Если такие изумительные результаты могут быть достигнуты на чрезвычайно малых площадях, то единственно что стоит на пути такой децентрализации — это современная экономическая система, основанная на конкуренции. При современном строе происходит лишь вытеснение более слабых хозяйств и постепенное сжимание всего земледельческого хозяйства до того предела, когда лишь незначительная часть современных фермеров, ведущих хозяйство лишь на незначительной территории, останутся в данной отрасли — остальные фермеры пойдут „на слом", будут поглащены огромной армией безработных.

Книга проф. Вилкокса написана в целях предостережения страны от такой страшной перспективы полного разорения 80% теперешних фермеров. Никаких положительных решений он не дает и не может дать, ибо, подобно остальным технократическим изысканиям, эта книга лишь ставит с определенной ясностью вопрос, разрешение которого может быть дано лишь коммунстическим хозяйством. Огромнейшее увеличение производительности современной земледельческой техники ставит наиболее острым образом вопрос немедленного введения комумнистического строя. Но самые условия развития современной земледельческой техники должны толкать хозяйство на путь децентрализации, создания небольших самодовлеющих центров, которые, принимая во внимание ничтожную часть человеческого труда, требуемого земледельческим хозяйством, сумеют уделить достаточно труда для построения целого ряда промышленных отраслей. Как и в остальных областях современной научной мысли, анархический коммунизм Кропоткина нашел блестящее подтверждение в изысканиях и в результатах современной агрономической науки.

Б—ский.

Опасность новой мировой войны

Как 20 лет тому назад (в 1914 г.), так и ныне повисла над миром страшная угроза новой человеческой бойни. Темные тучи сгущаются, напряжение усиливается, военный ПСИХОЗ все шире охватывает народы и в любой момент может грянуть гром, от которого содрогнется земля и вспыхнет кровавое пламя мирового пожара, всепожирающего, испепеляющего и уничтожающего все ЖИВОЕ на пути своего разрушительного шествия, несущего ГИБЕЛЬ человечеству.

Повисшие над миром тучи военной грозы надвигаются с востока и запада, атмосфера электризуется и готова разрядиться страшной КАТАСТРОФОЙ, более ужасной, чем чума, проказа и всякие иные эпидемии, бичующие от поры до времени хилое ДУХОМ человечество, катастрофой огня, града свинцовых пуль, удушливых газов, массовых убийств, кошмаров и ужасов...

Задыхаясь в тисках экономической нужды и политического бесправия, человечество стонет под кнутами диктатур и мечется, как угорелое, не потому, что на земле стало тесно жить, что наша земля истощала и мы не имеем достаточно продуктов питания и одежды, — вовсе нет, человечество имеет в ИЗОБИЛИИ всякого добра и для всех хватает места под солнцем, — а потому страждет человечество, что почти ВСЕ материальные блага присвоены **немощными духом,** но в высшей степени ЖАДНЫМИ людьми, превратившими свою жадность в СИСТЕМУ наглой **эксплуатации и угнетения** своего братачеловека, в систему КАПИТАЛИЗМА, орудующего во всех областях человеческой жизни: в экономике, политике, торговле, промышленности, судах, церквах, школах, театрах, повседневной печати и т. д. и т. п. Только **ненасытимая ЖАДНОСТЬ,** возведенная в систему угнетения и эксплуатации, способна творить те ужасы, которые ныне переживает человечество, и те кошмары, которые таит в себе надвинувшаяся

угроза новой смертоносной ВОЙНЫ, несущей миру еще БОЛЬШИЕ страдания и муки, ГИБЕЛЬ человечеству . . .

Алчные люди, именуемые **капиталистами,** владеющие всеми богатствами, загребающие все для себя и отнимающие последнюю корку хлеба от тружеников, производящих все эти колоссальные богатства, — люди в высшей степени **бессовестные, бессердечные и бесчестные, люди-звери** в образе человека; их не трогают ни страдания, ни муки людей, над которыми они издеваются. Капиталисты — жрецы современного **бога-капитала,** доминирующего над человечеством.

Жрецы, служители и защитники КАПИТАЛИЗМА, прикрывающегося то маской демократии, то фашизма или большевизма, имеют одни и те же стремления: эксплуатируя и угнетая, ВЫЖИМАТЬ из трудящихся последние соки ради собственного извращенного удовольствия; ЗАТЕМНЯТЬ сознание порабощенных людей посредством школы, театра, церкви, прессы и другими способами пропаганды ЛОЖНЫХ идей, чтобы легче было держать их в подчинении и управлять ими; создавая кошмарные условия жизни и держа подневольных людей в постоянном страхе, развивать и всеми мерами поддерживать в них НЕНАВИСТЬ друг к другу, чтобы легко было бросить их в драку. А там, где рабы капитализма, выведенные из терпения, бунтуются, — его служители, действующие под той или иной маской „благородства", применяют грубую физическую силу воздействия на умы и сердца непокорных людей.

Стремление КОМАНДОВАТЬ, угнетать, эксплоатировать да жить ПАРАЗИТОМ на поте и крови народной, жажда к легкой наживе и к порабощению своих собратьев порождают правительственные аппараты, действующие по своему произволу. Сидящие в этих аппаратах люди всегда устраивали и устраивают ВОЙНЫ, на которые толкает их сама СИСТЕМА устройства государств, служащих капитализму. В основе всяких войн, устраиваемых ими, лежит исконная ЖАДНОСТЬ: стремление к расширению своих владений, борьба за рынки и борьба за ГОСПОДСТВО над миром.

По подсчетам специалистов человечество в течение 3,582 лет провело 3,500 лет в войне и 232 года в относительном мире. А по сведениям проф. Питирима Сорокина и ген. Н. Головина, представивших американскому с'езду ученых, происходившему в конце 1933 г., подробный доклад о 925 войнах, происходивших между 500 годом до РХ и 1925 годом нашей эры, — надежды на всеобщий мир напрасны, ибо технический прогресс и цивилизация не уменьшают их, а увеличивают.

Американский журналист Айви Ли подсчитал, что за последние 90 лет было 749 мирных конференций, не предотвративших ни одной войны, потому что мир — не в интересах правящих и праздно болтающих дипломатов: их дело — разделять и властвовать.

Главными причинами войн являются **национальные АНТАГОНИЗМЫ,** присущие **невежественным людям всех национальностей и классов,** так как подавляющее большинство людей воспитано в националистическом духе ШОВИНИЗМА и у множества из них развиты чувства ЖИВОТНОГО спорта, выражающегося в грубой физической борьбе или драке; такие люди легко поддаются внешнему влиянию, а в особенности тлетворной агитации урапатриотов да их агентов, которые изо дня в день СОЗНАТЕЛЬНО разжигают **национальную рознь и ненависть,** выгодные для проповедников войны, ибо в результате их устной и печатной разлагающей деятельности они получают крупные доходы. А ко всему этому надо еще добавить **экономическое соревнование** капиталистических стран и **борьбу за внешние рынки.**

Борьба за рынки, за сферы влияния или подчинения индустриально развитыми капиталистическими странами технически отсталых народов, а вместе с ними усиление экономической борьбы между передовыми, промышленно развитыми, странами, болеющими всеми политико-социальными и финансово-экономическими недугами, — ведут к обострению национальных антагонизмов, к разжиганию низменных животных страстей и к созданию **военного ПСИХОЗА,** необходимейшего условия войны. Таким образом КАПИТАЛИЗМ, зиждущийся на праве частной собственности, эксплуатации и угнетении человека человеком и являющий собою политико-экономическую систему жизни современных народов, переходит в ИМПЕРИАЛИЗМ в своей захватнической агрессии и в стремлении господствовать над миром.

Так как капитализм достиг апогея своего развития и очутился в тупике, то он делает отчаянные попытки спасти себя „обновленчеством": в Италии он принял форму фашизма, в Германии — расизма или гитлеризма, в России — большевизма, а в Америке — НРА. Однако ни фашизм, ни расизм, ни большевизм не разрешают ЭКОНОМИЧЕСКИХ вопросов, но еще более свирепо подавляют СВОБОДУ личности и подгоняют всех под один шаблон, затискивая в политический мундир Муссолини, Сталина, Гитлера и им подобных. Тем не менее капитализм частный

и государственный, именуемый большевиками „социализмом“ и „коммунизмом“, стоит в тупике: мировая торговля, один из главных нервов капиталистического хозяйства, падает, не смотря на разнообразные манипуляции и мероприятия в денежной системе и финансовой политике капиталистических заправил. С упадком торговли на внешних и внутренних рынках сократилось производство товаров. В связи с сокращением производства или с переходом его к еще большей технической машинизации увеличилось число безработных, а с безработицей ухудшилось положение трудящихся масс: те, которые лишились заработка, потеряли свою покупательную способность и очутились в тисках нужды и страданий; работающие же вынуждены трудиться в гораздо худших условиях, за меньшую плату, но с двойной или тройной производительностью.

Экономическое ухудшение, называемое депрессией, ведет к оскудению трудового населения и более сильному обострению классовой борьбы между ТРУДОМ и капиталом, создавая угрозу властвованию капитализма внутри каждой страны. Поэтому многие „дальновидные“ капиталисты готовы бросить „излишки“ населения в войну с целью „обуздания страстей“ и создания для одних „джабов“ на поле брани, а для других — в военной промышленности.

Все империалистические страны стремятся расширить свои владения за счет соседа или, по крайней мере, захватить внешние рынки, что ведет к обострению международных отношений. Поэтому совсем не удивительно, что за последнее время в повседневной печати стали появляться частые разговорчики о неизбежности новой мировой войны. О ней говорят не только писатели, журналисты, общественные и политические деятели, представители правительств европейских, азиатских и американских стран, депутаты парламентов, сенаторы и лидеры политических партий, но даже и промышленники, фабриканты и заводчики, которые как будто ничего не понимают в политике.

Разговоры о войне и ее НЕИЗБЕЖНОСТИ, как о тяготеющем над миром какомто Роке, являются незаметной или слабо скрытой подготовкой к войне, военной пропагандой с целью внедрения в народные массы военного ПСИХОЗА, который постепенно овладевает умами и чувствами легковерных людей. Идет ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ подготовка к войне, которую надо разоблачать, вскрывая не мнимые, а действительные ее причины, чтобы трудящиеся знали: кто и почему стремится к войне и какие выгоды от нее получает?

Надо, однако, заметить, что многие правительственные „разоблачения“ военных замыслов имеют своей непосредственной целью использование их для внутренней или внешней политики того или иного правительства. Постоянные же напоминания о войне и ее НЕИЗБЕЖНОСТИ создает в населении нервирующее настроение, повышает патриотические чувства, разжигает националистические страсти и у всех получается впечатление какой-то ОБРЕЧЕННОСТИ, переходящей в военный психоз, ведущий к кровавой развязке, ибо перед НЕИЗБЕЖНОСТЬЮ войны теряется чувство отвращения к ней. В результате с упадком чувств самосохранения и при смятении духа достигается то, что требовалось доказать — НЕИЗБЕЖНОСТЬ войны, пропагандируемой военными агентами.

Однако сама война может вспыхнуть лишь тогда, когда в умах и чувствах народных масс, поднявшихся выше зоологической воинственности, исчезнет естественное отвращение к ней и укрепится убеждение в ее выгодности или же жизненной необходимости, как, например, преобладание захватнических стремлений у одних и готовность защиты того, чему угрожает смертельная опасность — у других.

Все политические, государственные и общественные деятели уверены, что ВОЙНА разразится в НЕДАЛЕКОМ будущем на Дальнем Востоке, хотя в прошлом году считали, что сигналом к новой мировой бойне послужат столкновения на польско-германской границе, но с подписанием договора о мирном разрешении спорных вопросов между Германией и Польшей до истечения срока договора в 1934 г. — острота военных напряжений в Европе отчасти улеглась, главным образом, потому, что Германия, накопляющая огромную военную энергию, НЕДОСТАТОЧНО подготовлена к войне. А на Дальнем Востоке военная атмосфера настолько сгустилась, что там война может вспыхнуть в любой момент.

Готовясь к войне, все великие и малые державы лихорадочно вооружаются, о чем свидетельствует непомерные **увеличения военных бюджетов и усиление военной промышленности,** работающей полным ходом во ВСЕХ странах и днем и ночью. Так, например, по данным Лиги Наций с 1921 по 1930 г. было вывезено из разных стран оружия на общую сумму в 600,000,-000 долларов. Главными поставщиками оружия являются Англия, Франция, Соед. Штаты, Чехословакия, Италия, Швеция, Голландия, Бельгия, Дания и Япония, на долю которых приходится свыше 93% всего экспорта оружия, при чем 65% его приходится на Англию (30%), Францию (13%), Соед. Штаты (12%) и Чехословакию (10%). А главными покупателями

оружия являются Япония и Китай, затем — Аргентина, Чили, Боливия, Урагвай и другие южно-американские страны, а из европейских стран — Румыния, Польша, Югославия и т. д.

Данные германского кон'юнктурного института, подведшего итоги соотношениям между **мировым производством** в целом и **военной промышленностью** — с одной стороны, а с другой — о размерах **мировой торговли** в целом и военным снаряжением, — указывают, что **экономический кризис, вызывая неизменный упадок промышленности и торговли в целом, приводит к РОСТУ военной промышленности и торговли оружием.** Затраты на военную промышленность исчислены институтом по данным военного ежегодника Лиги Наций за прошлый 1933 год, в котором содержатся сведения о военных бюджетах главнейших стран, хотя, к слову сказать, эти данные Лиги далеко не полны, ибо действительные **затраты на вооружения, армию, воздушный и морской флоты,** а также **сделки по продаже и перевозке оружия** обыкновенно **держатся в секрете,** но все же цифры Лиги Наций поразительны. Военный бюджет Англии составляет 88% действительных затрат на вооружение, а во Франции и Бельгии — 84%, в Польше — 72% и т. д. С 1929 по 1932 год включительно мировое производство уменьшилось в два раза и во столько же раз увеличились расходы правительств на военную промышленность по сравнению с общим уровнем производства 1929 года, при чем кривая военного производства, начиная с 1932 г., явственно идет вверх, а кривая мирового производства в целом продолжает стремительно падать.

Накануне Европейской войны (в 1913 г.) затраты на вооружения составляли для Японии — 95,5 млн. долларов, Италии — 179,1 млн. дол., Соед. Штатов — 244,6 млн. дол., Франции — 348,7 млн. дол., Англии — 375,1 млн. дол., Германии — 403,3 млн. дол. и России — 447,7 млн. дол., а в 1933 году Япония истратила на вооружение 250 млн. дол., Италия — 332 млн. дол. Соед. Штаты — 727 млн. дол., Франция — 512 млн. дол., Англия — 512 млн. дол., СССР — 580 млн. дол. и новообразованные государства: Польша — 95 млн. дол., Чехословакия — 54 млн. дол., Финляндия — 16 млн. дол., Латвия — 8 млн. дол., Литва — 6 млн. дол. и Эстония — 5,5 млн. дол. Военные бюджеты на текущий 1934 год еще более увеличены. Так, например, военный бюджет Японии составляет 272 млн. дол. Военный бюджет Англии по морскому министерству увеличен на 2,89 млн. фунтов стерлингов, а по военному — на 1,65 млн. ф. с. по сравнению с 1933 годом. Бюджет Италии сбалансирован с дефицитом в 3 миллиарда лир (245 м. д.), при чем сумма расходов определена в 20,636 млн. лир, а доходы — в 17,662 млн. лир. Французский бюджет составлен в сумме 48,5 миллиардов франков с превышением доходов в 2 миллиарда франков, при чем 1 миллиард франков (65 м. д.) ассигновано на постройку воздушного флота. А бюджет СССР составлен в 48,880 млн. рублей, с превышением доходов в 1,500 млн. р., при этом расходы на оборону составляют 30% годового бюджета.

Приведенные данные с несомненной ясностью указывают на усиление вооружений. Как всякому известно, государства вооружаются не для игры, а для битв. Если по официальным данным Лиги Наций последняя Европейская война поглотила 26 миллионов молодых жизней, что далеко неточно, то грядущая мировая бойня угрожает гибелью всему человечеству. По подсчетам специалистов 4-летняя человеческая бойня обошлась миру в 400 миллиардов долларов, в 30 миллионов человеческих жизней и в 60 млн. инвалидов. Если включить сюда убытки от разрушений, потери имущества и культурных ценностей, то СТОИМОСТЬ войны еще больше увеличится.

Как известно, во время войны автоматически отменяются все международные права и относительные гражданские свободы, зато усиленно развивается шпионаж, выведывание чужих мыслей, а вместе с ними широко распространяется клевета, от'явленная ложь, спекуляция и чувства злобы и ненависти: бессовестность, жестокость, бесчестность и подлость возводятся в „добродетель“, преследующую убийство из-за угла и присвоение чужого добра, а от этого грубеют нравы, выветриваются чувства элементарной справедливости, увеличивается безнравственность, искажается быт. Но, кроме общего морального и материального ОСКУДЕНИЯ народов, разгула военной РЕАКЦИИ, распущенности и увеличения насилий, грабежей, краж, убийств, воровства и т. д., — войны имеют и другие **последствия:** во-первых, в Европейскую войну 1914-18 гг. поплатились своим положением и даже жизнью несколько монархов, вследствие разразившихся революций, за которыми последовали гражданские междоусобицы и террор; во-вторых, после некоторых **революционных** свобод и вольностей в странах, казавшихся передовыми, наступила самая темная РЕАКЦИЯ — Россия, Италия, Венгрия, Польша, Югославия, Турция, Германия и Австрия стали странами **диктатур,** в тисках которых задыхается население этих стран, в которых свобода личности попирается самым бесчело-

вечным образом.

Обременительные налоги, под тяжестью которых стонут народные массы всех стран, обнищание трудового населения и современные политико-экономические кризисы, испытываемые капиталистическими и „социалистическими" странами с их противоречиями, обостряющими международное положение, — являются все теми же последствиями войны. В результате страшной РЕАКЦИИ в одной только Европе около 4 миллионов человек томится в тюрьмах и концлагерях, не считая России, где количество заключенных в три раза больше, если сведения эти не преуменьшены. Новая же война грозит еще большими бедствиями.

Но почему же, не смотря на все эти бедствия и отвращение народов к войне, правительства всех стран так усиленно готовятся к новой мировой бойне? Кому она **выгодна?** Кто хочет иметь войну и желает, чтобы народы бросились друг на друга? На эти вопросы можно ответить данными Лиги Наций, выдвинувшей еще в 1921 году против интернационального оружейно-амуниционного треста целый ряд обвинений, сводящихся к следующему:

Фирмы, изготовляющие вооружение с единственной целью продать свои фабрикаты любой стране, активно действуют в создании военных страхов, склоняя страны к принятию программ, увеличивающих вооружение; они подкупают представителей правительств и распространяют заведомо ложные сведения о военных и морских вооружениях ряда стран с целью поощрения военных расходов; путем подкупа или установления контроля над газетами в той или иной стране фирмы эти влияют на общественное мнение, пропагандируя военную горячку и разжигая страсти, а путем натравления одной страны против другой увеличивают темпы вооружений; входя в единый Интернациональный Трест, монополизировавший выделку оружия, они повышают в то же время цены на предметы вооружения.

Что оружейные компании входят в общий Интернациональный Трест, об этом свидетельствует множество фактов. Так, например, орудия, изготовленные в Англии, обращены были против английских войск в Галлиполи, а германские — употреблялись против немцев на французском фронте; при защите от японцев Шанхая, китайцы употребляли, главным образом, японское оружие, изготовленное фирмой Мицуи.

Вышеприведенные данные с достаточной убедительностью говорят о том, кто желает возбудить новую войну и почему ее подготовляют. Войны хотят **поставщики СМЕРТИ,** алчущие нажить новые груды золота, т. е. все те же **жадные капиталисты,** промышляющие чем угодно, лишь бы предприятие приносило огромные доходы.

Многие утверждают, что мир не может обойтись без войны, ибо человек — деятельное существо, направляющее свою энергию то в сторону творчества, то разрушения, а посему невозможно ни сокращение армий, ни разоружение. Признавая, что покой для человека так же не мыслим, как и воздержание от всякого дела, спросим: почему же не направить **активную деятельность** человека исключительно на СОЗИДАНИЕ? Почему же не использовать свойственную человеку деятельность не в сторону разрущения, а в целях производительного труда? Почему же не направить ЭНЕРГИЮ пышащей здоровьем отборной молодежи, вербуемой в армии, являющиеся паразитами на народном теле, из которого высасывается много жизненных соков на их прокормление, а также СТРАСТЬ к соревнованию-соперничеству и ЭНТУЗИАЗМ, охватывающий героев и публику спортивных стадионов, вместо разрушения к полезному ТВОРЧЕСТВУ, которое сделало бы войну невозможной.

Если бы употребить огромные силы паразитствующих армий и военные изобретения на борьбу со стихийными силами природы и общими бедствиями, направив их не на убийство и разрушение, а на спасение человечества от болезней и голода да на обеспечение здорового существования, то мир преобразился бы до неузнаваемости: военные кошмары исчезли бы и мир осветился бы светом разума и мира.

Однако до разума и мира всего мира далеко еще: они не в интересах жадных правящих классов, служащих богу-капиталу и стремящихся исключительно к наживе, властвованию и эксплуатации. Мир мира, благосостояние и процветание народов им не выгодны, ибо не дают крупных барышей; война же быстро обогащает всех хищников, спекулянтов и поставщиков военного снабжения.

Человечеству же война не только не выгодна, но и совсем не нужна, ибо приносит одни лишь бедствия, разрушения, убийства, кошмары, муки, озверение и т. д. и т. п. Войны исчезнут с упразднением капитализма, системы частной собственности на орудия и средства производства, системы угнетения и эксплуатации человека человеком, когда восторжествует социально-экономическое и политическое РАВЕНСТВО и СВОБОДА, ведущие к всемирному БРАТСТВУ и сотрудничеству.

К. Филиппович.

ПРАВДА ОБ ИСПАНИИ

ЛИБЕРТАРНЫЙ КОММУНИЗМ против ФАШИЗМА

Последние события, имевшие место в Астурии, Испания, вероятно, являются самой кровавой и самой решительной попыткой рабочих покончить с капитализмом и приостановить фашизм. Рабочие и крестьяне Астурии, хорошо организованные и хорошо вооруженные, единым фронтом с социалистами, коммунистами и анархо-синдикалистами ринулись вперед, чтобы нанести смертельный удар капитализму. Но, увы! Одна провинция, как бы хорошо она не была организована и героична, не могла успешно бороться с лучше вооруженными и лучше тренированными войсками центрального правительства, состоявшими из наемников Иностранного Легиона, морокканских войск и 15.000 гражданской и штурмовой гвардии. Мужественная и героическая Астурия беспощадно раздавлена, сотни расстреляны, надежды на немедленную свободу и эмансипацию ныне покоятся под дымящимися развалинами церквей и общественных зданий, под телами 3.000 мучеников.

Борьба вне Астурии была незначительной и в большинстве случаев носила политический характер. Ларго Кабалльеро, жаждя вернуться к власти, заключил договор с такой презренной личностью как Азанья, бывший премьер, всем известный по страшному делу Каза Вьеха, и с Компанисом, президентом Каталонии — единственное место в Испании, где Национальной Конфедерации Труда не разрешалось вести работу и где она была об'явлена вне закона с декабря 1933 года. Естественно анархисты не могли быть очень хорошими сокроватниками Азаньи и Компаниса — они отказались быть орудием в руках хитрых политиканов.

Все же, несмотря на их решение не принимать участие в борьбе, кое-кто и кое-где приняли участие и делали всевозможное, чтобы превратить эту политическую аферу в социальную революцию, но г-н Денкас, каталонский министр внутренних дел, отбросил их планы и после натравлидения народа против „фаистас", т. е. Федерации Анархистов Иберии, он, говоря по радио, заявил:

„Прежде мы должны свергнуть фашистское правительство в Мадриде, это будет сделано сегодня, а завтра мы сведем наши счеты с Национальной Конфедерацией Труда и с Федерацией Анархистов Иберии. Уверяю вас, граждане, что эти люди больше не будут нас беспокоить".

Однако Денкас и его прихвостни скоро увидели, что совсем не одно и тоже расстреливать беззащитных рабочих и противостоять пушкам армии центрального правительства: после первых схваток они побрасали оружие и разбежались, как зайцы. Необходимо указать на то обстоятельство, что каталонское правительство отказало в оружие не только анархо-синдикалистам, но даже и реформистам — рабочим группам Рабочего Альянса, который об'единился с Компанисом в борьбе против Мадрида.

Утверждение анархистов, что революция не может быть произведена без них, вполне подтвердилось фактами. Хотя всеобщая забастовка и была полной, охватила всю Испанию, но революционные попытки были предприняты (исключая Астурию) только там, где анархисты переняли инициативу, а там, где они действовали, они провозглашали **свободный коммунизм.**

Не мешает напомнить, что Ларго Кабалльеро отказался идти вместе с анархистами-синдикалистами в ноябре 1933 г., когда последние хотели об'явить всеобщую революционную стачку, чтобы приостановить волну фашизма. На крики — „забудем наши ссоры и об'единимся, чтобы остановить фашизм, пока не поздно" — Ларго Кабалльеро ответил, что они, социалисты, верят только в мирные средства и в парламентскую деятельность. Когда же анархисты и синдикалисты, в результате революционной попытки 8-го декабря, 1933 года, оставили многих лучших своих людей в тюрьмах и на кладбищах и когда закон — тот самый закон, который состряпали или помогли состряпать социалисты в целях преследования анархистов — стал применяться ко всем без разбора радикалам и либералам, включая и социалистов, то Ларго Кабалльеро превратился в революционера. Социалистические забастовки были об'явлены незаконными, а руководители забастовок посажены в тюрьму. Их ежедневная газета конфисковалась и уничтожалась номер за номером, редакторы штрафовались и сажались в тюрьму. Социалистические муниципальные советники устранялись пачками: во время министра внутренних дел Салазара Алонсо было устранено не менее 264 советников и городских голов. Кабалльеро, найдя поддержку у своих товарищей, поехал по Испании искать союза со всеми и

с кем бы то ни было. Он звал даже анархистов, но они ответили ему — НЕТ и в манифесте, опубликованном после работ Национального Пленума Национальной Конфедерации Труда, они заявили:

„Мы не можем об'единиться с вами, потому что мы не верим в вашу искренность, но мы во всякое время готовы сражаться во имя низвержения капитализма. Во всякое время, когда вы готовы, вы найдете нас на баррикадах. Однако, мы не идем сражаться за ваше возвращение к власти, чтобы вы могли продолжить преследование нас и высылку нас. Мы будем сражаться и попробуем увлечь за собой массы, и если они пойдут с нами, мы пойдем до конца и провозгласим в Испании **свободный коммунизм**".

Из собранных нами отчетов о восстании следует, что анархо-синдикалисты завоевали симпатии масс в Астурии, где борьба носила определенно социальный характер. Например, из газеты „Ля Пренса", Гихон, Астурия, 22 октября, мы узнаем, что паролем у повстанцев было слово „ФАИ", — алфавитное имя Федерации Анархистов Иберии, что ХОЗЕ МАРИЯ МАРТИНЕЦ, руководящая анархическая фигура в Астурии, был убит в сражении. В „Ля Воз де Астуриас", выходящей в Овиедо, за тоже самое число мы читаем, что руководство восстанием в этой столице провинции вначале находилось в руках социалистов и некоторых коммунистов и анархистов, но последние скоро взяли верх. Ничего не было бы удивительного в этом, если бы это было в Гихоне, центре анархизма в Астурии, но удивительно что это случилось в Овиедо и в других городах и селах, где всегда преобладали социалисты. Может быть это и было причиной того, что социалистические лагери так боялись допустить народ до уличной борьбы за конечный идеал.

Представление о том, как и что происходило под руководством анархистов, можно получить из заявления инженера из Ля Фельгуэра, сделанным им прессе (АХОРА, Мадрид, Октябрь 22-го). Г-н Антонио Лючио, главный инженер литейной Дура Фельгуэра, говорит:

„В момент, когда началось восстание он находился в Фельгуэра. Ночью, 5-го октября, к нему в дом пришел рабочий комитет и в вежливой форме попросил его следовать за ними. Они привели его в „Республику", место обычного сборища инженеров Ля Фельгуэра, там он встретился со всеми остальными инженерами, арестованными, как и он. Он добавил, что литейная Дуро Фельгуэра стояла в течении первых трех дней восстания. после же рабочие начали работать, чтобы не погасли доменные печи. Они работали так же и на насосах, чтобы предотвратить шахту Эль Фонтон от затопления. На этих работах были заняты некоторые инженеры и мастера. Рабочие, арестовавшие его, сказали ему, что они арестовали его в целях воспользоваться его трудом в промышленности, когда будет учрежден новый порядок. В Ля Фельгуэра **был установлен свободный коммунизм,** продержавшийся в течении двух недель; красно-черный флаг анархистов был поднят и реял над школой. Гражданская гвардия, стоявшая в городе, была перебита в сражении с восставшими. Попы и сестры милосердия совершенно не были тронуты".

Заявление г-на Лючио чрезвычайно ценно — оно показывает, что анархисты совсем уж не такие свирепые, какими их размалевывают их враги, наоборот, они чрезвычайно гуманны. Заявление г-на Лючио указывает еще на то, что анархисты не только разрушители, а в такой же мере и созидатели и что помимо идеализма они знают как нужно считаться с фактами и с практической стороной жизни. Они не уничтожили доменные печи и шахты, потому что они превосходно понимают, что, если бы они это сделали, они пожелели бы потом, когда, как они ожидали, все перешло бы в их руки, как общественное достояние.

Положение в Испании теперь не из блестящих, но и не так уж безотрадно, как некоторые хотели бы уверить нас. Последние сообщения (Ля Пренса, Нью Иорк, ноябрь 12) говорят, что Кальво Сотело, министр Примо де Ривера, организовал новую партию, цель которой „создание корпоративного тотального государства"; эта партия впитала в себя маловлиятельную и ничтожную партию сына Примо де Риверы. Однако, факт образования новой партии выгоден для противников фашизма и реакции, ибо это разделяет доселе единые силы реакции, руководимые Гилом Роблесом.

Теперь борьба в Испании будет протекать по двум строго очерченным направлениям — **или свободный коммунизм или фашизм, среднего пути нет.** Рабочие Астурии показали пример. Какая бы из этих сторон не выиграла, дело не обойдется без кровавой революции, ибо обе стороны твердо решили без боя не сдаваться.

Во всяком случае для пролетариата имеется надежда. **Онофре Даллас.**

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ В ИСПАНИИ И ОТНОШЕНИЕ КАТАЛОНСКИХ АНТИ-ФАШИСТОВ К НАЦИОНАЛНОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ ТРУДА.

Октябрь 5, 1934.
Барселона.

. . . Это борьба между несогласными фашизмами — фашизмом автономного правительства Каталонии и фашизмом центрального мадридского правительства.

Посмотрим, как развивалась эта борьба.

Под руководством Эскверры (Каталонская левая) и Генералитета (автономное правительство Каталонии) наши рабочие союзы в Каталонии закрыты с декабря 1933 г., т. е. сейчас же после революционного движения, в котором **Барселона не принимала участия.** Центральный фашизм во всех других частях Испании разрешал легальное функционирование наших союзов и ведение пропаганды: митинги и пр. — это, вероятно, делалось с целью введения в заблуждение народа — в Каталонии же все это было строго запрещено.

Первым актом каталонских „анти-фашистов" был — закрытие самого подлинного органа фашизма . . . „Солидаридад Обрера" (центральный ежедневный орган анархо-синдик. Национальной Конфедерации Труда) и посадить за решетки несколько сотен . . . фашистов из Н. К. Т. и из Федерации Анархистов Иберии, несколько дюжин которых, за неимением мест в тюрьмах, содержались в большем зале „Глобо Мувинг Пикчур Хауз".

Сегодня забастовка полная, но она вынужденная, к ней принудили под дулом револьвера и под штыком вооруженных правительственных сил. Повсюду можно видеть армию „эскамотос" — тип личной охраны господ Каталонии. Сегодня утром эта публика, вооруженная ружьями, приостановила движение трамваев и автобусов. Таким же манером она не пустила рабочих на работу в магазинах и фабриках. Это было потешное зрелище — видеть как эти душители забастовок, которые они всегда об'являли незаконными, вводили всеобщую стачку путем принуждения и насилия.

Генералитет заключил договор с оппозиционными нам союзами: с Рабочим Альянсом и с коммунистическим рабоче-крестьянским блоком. Но весь этот союз не означал больше нескольких сотен рабочих. Синдикалистская партия (реформисты-политиканы, ничего общего неимеющие с Н. К. Т.) и три с половиной троцкиста, которые имелись в Барселоне, также были в этом союзе, но рабочий класс, который знает свое место, желал вернуться на работу: ему ненавистно было быть орудием в руках своих вешателей из Генералитета. Они отказались оставить работу. Если во всей остальной стране рабочие вышли на забастовку, когда С. Е. Д. А. получила три места в кабинете министров, то здесь все знают, что Гил Роблес, глава С. Е. Д. А., для Н. К. Т. не хуже, чем правительство автономной области. Затем другая вещь. В движении организованном Генералитетом, **оппозиция фашизму не играла никакой роли.** Это договор Эскверры, заключенный левым Азанья, с его Казас Вьехас актерами, (имеются в виду Кабалльеро и социалисты), которые потеряли весь свой престиж и которые всеми средствами стараются обелиться, добиться политической непорочности.

Всем известно, что Эскверра является основным оплотом республики . . . по крайней мере, это каждый день говорят их люди, — и колыбелью свободы. Правительство Генералитета хотело свергнуть правительство Лерру и сделать Азанья премьер-министром временного правительства федеративной республики. Автономной области, т. е. Компанису, в обмен на это гарантировались некоторые привилегии и другие благодеяния.

Что же может произойти? Если фашизм под республиканской и националистической маской выиграет, то на этот раз это будет означать конец Национальной Конфедерации Труда. Для того, чтобы союзы Национальной Конфедерации Труда могли снова действовать, необходимо чтобы эти господа были свергнуты. В противном случае наши форумы, наши печатные органы будут приведены к молчанию.

Октябрь 6.

Дело усложняется. Простые вчерашние стычки сегодня превратились в бои — небольшие, но очень кровавые. Этим утром многочисленные группы Национальной Конфедерации Труда явочным порядком открыли двери своих союзов, которые были под замком автономного правительства с декабрьского движения. Все союзы были открыты. Пол-часа спустя появились „эскаматос" Эскверры и члены „самантен" (нечто вроде домовой охра-

---

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ.

В следующем выпуске „Дела Труда", за январь-февраль, будет помещена большая интересная статья тов. А. Зухи об Испании. Эта статья дает исторический анализ событий и действующих сил в Испании со дня провозглашения республики до последних событий включительно.

Ред. Коллегия.

ны), вооруженные ружьями, чтобы закрыть их опять. Будьте уверены! „антифашисты“ из Генералитета не позволят, чтобы источники фашизма . . . Национальная Конфедерация Труда и Федерация Анархистов Иберии были открыты! Наши группы оказали сопротивление, особенно союзы одежников, лесников и др. — в результате много убитых и раненых.

В течении дня из провинции прибывали сотни и сотни вооруженных людей. Это, в большинстве случаев, были „Рабассерис“ или крестьяне арендаторы и половники. Известно так же, что в Астурии происходит настоящая резня и что **там провозглашен свободный коммунизм;** что в Мадриде молодые социалисты дрались плечом к плечу с Национальной Конфедерацией Труда. В воздухе носятся всевозможные слухи, но центральное правительство безмолвно. Единственно кто разговаривает — это Генералитет.

Этим вечером случилось нечто такое, что говорит, что антифашисты Эсквнрры стали гуманными: **многие группы активных членов Национальной Конфедерации Труда обратились к ним, в виду серьезности положения, снабдить их оружием, антифашисты поспешили посадить их под замок.** Очаровательно, не правда ли? После заключения в тюрьму наших товарищей, между группами Н. К. Т. и Эскверрой кое-где происходили ожесточенные столкновения, а мелкие стычки повсюду. Была атакована кем-то группа солдат. „Анти-фашисты“ Генералитета поспешили оповестить по радио, что атака была произведена Федерацией Анархистов Иберии.

В то время, когда я пишу эти строки, радио оповещает, что президент Генералитета, г-н Компанис, желает сделать заявление. Вот оно текстуально:

„Автономный парламент и правительство Генералитета постановили порвать отношения с центральным правительством, провозгласить Каталонию Государством Федеративной Республики; Временное Правительство, которое уже организовано, просит каталонцев вооружиться на защиту Каталонского Государства Федеративной Республики от аттак незаконной власти“.

Несомненно, будет об'явлено военное положение. Что же случиться? Эскверра имеет в своем распоряжении значительные силы. Не считая „эскамотс“, „Моцос де Эскадра“, „Гвардия де Сегвидат“, и „Гвардии штурмовиков“, на улицах города в настоящий момент находится несколько тысяч вооруженных крестьян. Они парадируют кругом и производят на народ зверское впечатление. Они организуются в роты по 150 человек. Кроме этого, Генералитет имеет пулеметы и скорострельные ружья.

. . . Слышется непрерывная ружейная пальба. Время от времени слышны даже взрывы бомб. Все еще продолжается борьба между „фашистами“ . . . из Национальной Конфедерации Труда и „антифашистами“ (?) Каталонского Государства. Силы центрального правительства — армия, гражданская гвардия, авиация и пр. пока держатся нейтрально.

Об'явление автономного правительства, составленного из дюжины мерзавцев и отщеславных политиканов, никогда не отличавшихся личной храбростью, уверило народ, что правительство имеет сведения из остальных частей страны, свидетельствующие о том, что положение центрального правительства настолько безнадежно, что достаточно одного нажима и оно падет. Конечно, если бы было иначе, эти люди не рискнули бы своими головами, которые были бы продырявлены. Я не думаю, что они хотели бы этого. Мученичество не для них . . .

Полночь.

Центральное правительство об'явило военное положение по всей Каталонии и одновременно приказало генералу Батету, начальнику войск в Каталонии, потребовать сдачи правительства Генералитета и силой взять дворец, где находится его штаб. Эмиссары, посланные с требованием сдачи, были спасены под огнем. Теперь Батет, не теряя ни одной секунды, направил на Дворец Республики пушки и начал бомбардировать правительственные здания и Городскую Думу, находящуюся в другой части города, а так же и гражданское правительство (главная квартира каталонского министерства внутренних дел).

Повсюду страх, гражданская гвардия и гвардия безопасности патрулируют повсюду: они посинели и выглядят, как трупы.

Я заметил несколько вещей, которые, по моему, имеют важное значение и для нас и для борьбы, которая неотвратимо надвигается на нас. Крестьяне, вооруженные ружьями и расхаживающие повсюду сотнями, выглядывают совершенно безжизненными. Они не имеют **страсти.** В регулярной армии недостаток воодушевления заменяется железной дисциплиной, превращающей живую личность в автомат. Душа совершенно не принимается в расчет, а только страх наказания. В нерегулярной армии ружье или пулемет не имеют никакой цены, если пользующиеся ими не вооружены также и верой. В данном случае крестьяне — люди, которым Генералитет обещал очень много хороших

вещей. Они двигались не страстью, и не чувством к независимости. **Здесь ничего нет кроме надежды стать мелким собственником.** Они не такие, какими нужно быть. Наоборот, здесь господствует боязнь быть убитым или попасть в тюрьму на 30 лет. И если бы один из них имел **смелость трусости** предложить своим товарищам разрядить ружья и разойтись, я уверен, что ни один не остался бы. Остальные бойцы — это наемники, которые взялись за ружье и обещали драться за Генералитет в признательность ему за местечки, которые они закрепили за собой. Этим тоже грош цена в день революции.

Сегодня, после полудня, около 8-ми часов, канцлер, министр внутренних дел и шеф Денкас с кровожадным чудовищем „эскамотс", Бадия, заявили:

„Прежде всего мы должны свергнуть фашистское правительство — это будет сделано сегодня — а завтра мы решим вопрос относительно Национальной Конфедерации Труда и Федерации Анархистов Иберии. Уверяю вас, граждане, эти люди не будут больше тревожить нас".

ТОГДА, ЕСЛИ ЭСКВЕРРА ВЫИГРАЕТ, СОТНИ НАШИХ ТОВАРИЩЕЙ БУДУТ ПЕРЕБИТЫ. Рабочий Альянс на стороне Генералитета, он также за Каталонское Государство. Он даже хотел взять на себя Главную Полицейскую Квартиру, но ему не позволили . . .

В данный момент с силами центрального правительства сражаются: гвардия штурмовиков, полицейская охрана — они сражаются в порядке дисциплины, ибо они имеют своих начальников и вымуштрованы, как в казармах, и, конечно, некоторое чиcло „эскамотс" — фанатики каталонизма, сепаратизма, которые способны рискнуть своей жизнью. Но я уверен, что 75% **сил** (которые являются только видимостью) Генералитета, в момент выхода борьбы за пределы Площади Республики, когда она примет более широкие размеры, будут никчемны и слабы. Другими словами, эти „силы" — основа бессилия Эскверры и Генералитета. Сегодня вечером я слышал, под гром пушек, разговоры вооруженных людей, ведшиеся в весьма подавленном тоне:

— „Это — ужасно!"

И это имело большое влияние на их стойкость. Всякий раз, когда кто либо говорил это другому своему ополченцу, ему отвечали тем же подавленным тоном:

— „Это — правда. Это — ужасно!"

Во всем, что предшествует развитию кризиса, уже можно видеть начало полного разложения. Сегодня это особенно очевидно.

Октябрь 7.

Правительство Генералитета сдалось в 6 часов утра. Все советники, председатель Каталонской Палаты, многие депутаты и высшие чиновники арестованы. Около 60 человек. Мои предвидения больше не нуждаются в подтверждении. Развал „сил", о котором я говорил, начался еще задолго до сдачи правительства Генералитета. Армия, на которую опиралась Эскверра, побросала оружие и разбежалась. Ружья и амуницию можно найти повсюду. Число убитых и раненых среди „эскамотс", гвардии штурмовиков, полицейской охраны, „Моцос де ля Эскадра" и крестьян около 700.

После сдачи Генералитета „экамотс" предлагали оружие ударным отрядам Национальной Конфедерации Труда, чтобы последние приняли участие в борьбе и помогли им защищаться. Наши взяли большое количество оружия . . . и хорошо припрятали.

Теперь среди людей Эскверры, коммунистического рабоче-крестьянского блока и Рабочего Альянса стоит крик — „только одна Национальная Конфедерация Труда ответственна за падение Генералитета". **Тем лучше.**

Теперь у нас военное положение. Царит террор, уничтожение всех свобод, если только такое уничтожение возможно, ибо все они уже были уничтожены Эскверрой. Я не думаю, что положение будет хуже, чем при режиме проституток Генералитета.

Маленькая, но многоговорящая подробность. Генерал Батет, на основании военного положения, издал приказ, чтобы на улицах не собирались **слишком большие** толпы. Это напоминает нам, в целях сравнения, что месяц тому назад Денкас приказал нам — этот приказ настолько же идиотичен, насколько идиотино он звучит — **что мы должны ходить по улицам один за другим и что группы, числом больше одной личности, не будут терпимы.**

Антифашисты Генералитета и фашисты Лерру могут пожать друг другу руки.

Эскверра пала. Тем лучше. Но мы не забываем туч, омрачающих горизонт . . .

Е. Карбо.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАТАЛОНИИ.

БАРСЕЛОНА, Испания, Окт. 10 (Сообщение Секретариата Международного Товарищества Рабочих). Вечером 4-го октября в кабинет министров вошли три представителя парламентской фракции Гила Роблеса и министерство Лерру было сформировано; к власти, таким образом,

пришел самый сильный элемент испанской реакции. Разрешение парламентского кризиса в этом, именно, направлении было неизбежно после того, когда правые партии отказались поддерживать правительство Сампера.

Ответом на образование нового правительства был призыв ко всеобщей стачке, выпущенный в эту ночь в Мадриде. Стачка началась на следующее утро, как протест против опасности фашизма. В различных частях страны это движение протеста составлялось из союза левых республиканцев с социал-демократами и приняло характер попытки низвержения нового правительства. **Н. К. Т. не имела никакого желания восстановить режим Азанья — Кабалльеро, который беспощадно преследовал движение революционных рабочих, и потому отказалась принять участие в восстании.** Только в Астурии, где движение приняло явно социальный характер, все силы рабочего движения — от Национальной Конфедерации Труда до Всеобщего Рабочего Союза — об'единились в восстании. Вся эта область была охвачена революционной всеобщей стачкой. Массы вооружились, шахтеры заняли шахты и в течении многих дней оказывали сопротивление полиции и армии. Сношение с этой областью прервано и мы не имеем никаких сведений о дальнейшем развитии событий там. Всеобщая стачка прокатилась по все Испании и захватила многие города и деревни — Бильбао, Валидолид, Сан-Сабастьян, Валенсия, Гранада и т. д. и вылилась в столкновение с вооруженными силами реакции. В Мадриде всеобщая стачка была полной. Почта и железные дороги были совершенно остановлены и на улицах, в течении многих дней, имели место кровавые стычки с полицией. В данный момент нет никакой возможности даже приблизительно установить число убитых и раненых.

Движение не имело ясной цели и потому не удалось. С одной стороны, оно носило характер об'единенного протеста анархо-синдикалистов и социалистов, а с другой, социал-демократы и буржуазные республиканцы старались, благодаря различным политическим целям в самом движении, перенять его в свои руки. **Многие небольшие города и деревни Арагона и Каталонии провозглашали свободный коммунизм и некоторое время были господами положения.**

(Изложение развития борьбы в Каталонии мы опускаем, так как это с большей подробностью изложено в дневнике тов. Е. Карбо. Мы приведем только конец сообщения МТР. **Ред. „Д. Т.“**)

Каталонское правительство со многими высшими чиновниками было арестовано; в это же время были арестованы и бывший премьер-министр Азанья и лидеры „Рабочего Альянса“ Пестанья и Пейро. С прибытием военных кораблей, эскадрона воздушных бомбоносцев и полка африканского Иностранного Легиона мадридское правительство стало господином положения.

В прокламации Национальной Конфедерации Труда, отзывающей стачку, было сказано: „Все рабочие должны быть бдительными и готовыми к защите своих прав в предстоящей борьбе, когда организация призовет их... Рабочие получат от организации нужные указания. Все должны быть на страже, чтобы быть готовым к бою со всяким, кто вознамерится уничтожить нашу организацию и отнять от нас завоеванные нами права“.

ЗВЕРСТВА ВОЙСК В АСТУРИИ

(Письмо из Астурии)

Дорогой друг!

Посылаю вам несколько газет, из которых вы можете составить представление о революции, пережитой нами. Однако, это будет однобоким освещением, потому что все эти газеты — капиталистические и на стороне правительства. Они озлоблены и обвиняют революционеров в „зверствах“, но они не считают нужным обмолвиться даже одним словом о действительных зверствах, вытворявшихся правительственными войсками.

Они проклинают революционеров за убийство некоторых высших чиновников вооруженных правительственных сил — майоров, лейтенантов и некоторых директоров больших корпораций — но они не принимают во внимание те преступления, которые раньше совершили эти люди против рабочих. Несколько слов о поведении и поступках войск. Войска высадились в Авилесе и свое шествие к Овиедо они ознаменовали арестами цивильных — они связывали их и пользовались ими как живыми щитами, человеческим прикрытием. Я знаю, первого цивильного они схватили за Луганесом, а по дороге вдоль Корридории захватывали всех; когда же они входили в город, то ходили из дома в дом, связывали цивильных, уносили все ценное, включая постельное белье, костюмы, платья и особенно серебро и деньги. Забирали всех мужчин от 13 до 75 лет. Они забрали моего тестя с двумя сыновьями, забрали их во время обеда, когда они сидели за столом. Их связали вместе, одного к другому. По пути своего шествия они поступали таким же образом со всеми остальными арестованными. Этих несчаст-

ных пленников заставляли стоять, в качестве щитов, во время столкновения с революционерами, охранявшими подступы в город. В течении четырех суток эти несчастные люди оставались без пищи и воды, их оскорбляли и над ними издевались. Когда же, в конце концов, правительственные войска вошли в город, они убивали всех наших раненых товарищей поголовно. Эти преступления совершались в большинстве случаев людьми из Иностранного Легиона. Газеты уклонились это отметить, а так же они не отметили смертей от бомб, сбрасывавшихся авиаторами, варварски бомбадировавшими город и окрестности, убивая беззащитных цивильных.

Когда революционеры отступили от Сан Лазара, то вместе с Иностранным Легионом пришли и арабские войска. В кровавой оргии они убивали направо и налево — мужчин, женщин и детей. В Вилла Фриза и в Сан Эстебане де ля Крусесе они закалывали штыками целые семьи и насиловали наших женщин — молодых и старых. Коротко говоря, они совершали самые вандальские поступки, которые только вы можете себе представить.

Овиедо в развалинах — непрерывно в течении многих дней в городе происходила борьба с артиллерией с обоих сторон и в дополнении бомбы наших „славных“ авиаторов. Красивое новое здание рабочих, Биржа Труда, было сожжено войсками до основания — это они сделали после занятия ими города.

В своем сумасшествии эти изверги убивали даже женщин из Красного Креста, которые обслуживали наших товарищей. Они перебили бесчисленное количество наших товарищей, а теперь они мучают тех, которых держат в тюрьме. Вчера мы могли слышать крики несчастных жертв, несшиеся с лесов строющегося здания, это кричали пытуемые. Эти правительственные звери применяют пытки.

Аресты продолжаются. Вчера много арестовали в Луганесе. В Коллото они еще до сих пор никого не захватили. Руководители скрываются, что касается остальных, то я не знаю, попытаются ли они сделать что либо с нами, потому что ничего существенного не произошло в этой деревне.

За исключением нескольких личностей, весь город пришел в движение — одни пекли хлеб, другие расположились вдоль дороги, около Эспиритус Санто, и окопались на случай прихода с этой стороны правительственных подкреплений. Мы имели нашу Главную Квартиру в церкве, которая только что была перестроена г-ном Сима. Получилась превосходная казарма. Исповедальни мы пользовали в качестве караульных помещений, а в доме Лацаро мы держали с'естные припасы, которые распределяли в обмен на квитанции. С пленными обращались хорошо и они ели все, что хотели, над ними не издевались ни словом, ни делом. В качестве тюрьмы для них мы пользовались домом г-на Сима. Гражданская гвардия деревни разбежалась, когда мы заняли ее казармы, мы подняли над ней красное знамя.

Мученический путь Эриха Мюзама

I.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ МЮЗАМА.

(Письмо жены Мюзама Рудольфу Рокеру)

Прага, 21-го августа, 1934 г.

Мои дорогие, Милли и Рудольф!

В последний раз я видела Эриха 8-го июля. Последний раз его избили и мучили 22-го июня при командире Штальконфе. Благодаря событиям 30-го июня произошли изменения и командование перешло к штурмовику Виртембергеру. Один из арестованных, освобожденный 6-го июля, пришел ко мне и передал привет от Эриха, а также сообщил мне, что Штальконф, издавший приказ, запрещавший мне видеться с Эрихом, сменен; он посоветовал мне попробовать повидаться с Эрихом в воскресенье, 8-го июля.

Я выехала в Ораниенбург. Всем женщинам сообщили, что им не будет дано свидание с их мужьями, несмотря на то, что они уже приехали туда. Это распоряжение не являлось официальным наказанием, оно было вызвано происходившей переменой командования в лагере. Женщины, однако, не расходились. Неожиданно под'ехал командир штурмовиков, я подошла к его автомобилю и обратилась к людям, сидящем в нем, что они по меньшей мере должны были разрешить нашим мужьям написать нам, чтобы мы не приезжали, ибо 150 или более женщин, которые стоят сейчас у дверей с детьми и с разными передачами, не имеют денег приезжать сюда понапрасну. Новый командир разрешил каждой женщине иметь десятиминутное свидание со своим мужем.

При свидании каждый арестованый имел при себе солдата, в том числе и Эрих, так что нельзя было говорить откровенно. Последние слова Эриха, которые я от него слышала, были следующие:

„Благодарю тебя, Цензель, что ты приехала. Сегодня день рождения Артура (брат Мюзама), сегодня 8-е июля. Сойди на Вайдмонслюст и передай ему мой сердечный привет. Потом, не забудь, прошу тебя, что 15-го день рождения Ганса (второй брат Мюзама), сходи туда и поздравь его от моего имени и скажи ему, чтобы он преподнес тебе денежный подарок, чтобы ты могла с парой друзей отпраздновать свое пятидесятилетие, которое будет 28-го этого месяца. Все, что мне нужно — пища — ты уже принесла. Единственно что мне хотелось бы иметь — свежее белье и пару марок на карманные расходы. Верь мне, Цензель, это вот новое изменение, которое сейчас происходит, я перенесу с тем же спокойствием, с каким переносил подобное же и раньше; только ты будь здорова и сильна". Этим свидание кончилось. Эрих обнял меня, поцеловал и при этом шепнул на ухо:

„Подними шум заграницей. Все мы в опасности".

Неожиданно раздалась команда к нам, женщинам — „Вон!" и к арестованным — „Назад!" Арестованные не пошли, а побежали, как сумасшедшие. Я уехала домой. В понедельник переслала ему карманные деньги.

Согласно внушающим доверия сведениям день смерти Эриха был с 9-го на 10-е июля. В понедельник утром ротный командир Эрадт обратился к Эриху с такими словами: „Как долго ты еще собираешься странствовать на этой земле?" „Еще очень долго", ответил Мюзам. Эрадт на это сказал — „Мы советуем тебе в течении трех часов повеситься, если нет, мы тебе поможем в этом". Эрих рассказал об этом своим товарищам и разделил между ними свои с'естные припасы, которые я ему привезла и сказал:

„Товарищи, своим собственным палачем я не буду".

Весь день он чистил мундиры штурмовиков, а вечером, часов около семи, его вызвали. Все арестованные должны были пойти спать раньше, в том числе и 5-6 соработников Мюзама. Арестованные перед сном не были сосчитаны, как это обычно полагалось. Арестованные знали, что Мюзама нет. Многие из них лежали и прислушивались, но они ничего не могли услышать. Утром, около 4.45, вошел штурмовик Гиммельштосс (так его прозвали арестованные) и пересчитал арестованных. Один из арестованных сказал ему — „Мюзама не хватает". Гиммельштосс не обратил на это внимание и вышел не сказав ни слова.

Когда первые арестованные пошли в уборную, то они нашли там Эриха висящим на бельевой веревке. Веревка эта была так прицеплена и так завязана, что Эрих, который был неуклюж, никогда не мог бы туда забраться. Лицо его было совершенно спокойно и красиво, руки совершенно гладкие, не скрученные. Думают, что Эрих был оглушен и отравлен путем укола, а потом два штурмовика, Эродт и Герхард Вернер, повесили его в уборной, когда он уже был мертвым.

Итак, милый Рудольф, таковы были последние дни Эриха. Ты еще получишь от меня сведения о событиях. Сейчас я совершенно не имею денег.

У меня сейчас живет Мите — (Молодая девушка, дочь богатого немецкого помещика, которая недавно примкнула к рев. движению и сейчас работает вместе со вдовой Мюзама в интересах жертв гитлеровского режима. **Прим. Ред.**) — Вчера меня посетил бывший товарищ Мюзама по заключению, который еще раз рассказал о последних днях жизни Эриха.

Прошу тебя, милый Рудольф, если только возможно, дать знать М. С. и моим сестрам о моем положении. 16-го июля, в день погребения Эриха, я без паспорта перешла границу и была здесь очень хорошо принята. Дальше, мои дорогие, я еще не могу принять всего того, что произошло. День за днем в течении 17 месяцев, видеть как мучили, истезали и постепенно убивали человека — это ужасно!..

Помните обо мне, помните обо мне, мои дорогие, как я думаю о вас. После того, как различные дела будут приведены в порядок, я опять напишу вам. Целую вас обоих.

Ваша **Цензель.**

II.

РАССКАЗ ОДНОГО АРЕСТОВАННОГО ОБ УЖАСНЫХ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВАХ НАД МЮЗАМОМ.

Один из товарищей Эриха Мюзама по заключению, имя которого не может еще быть опубликовано, вырвался из Гитлеровского ада и рассказывает о страданиях нашего мученика следующее.

В октябре 1933 г. я встретил Эриха Мюзама в Бранденбургском концлагере. Я нашел его за чисткой лестницы — работа, которую он должен был делать ежедневно. Он не узнал меня, хотя мы были знакомы с 1928 года. Я тихо сказал ему, что я использую все возможности, чтобы все предать гласности о его мучениях и ознакомлю весь мир с теми ужасными изде-

вательствами, которые он здесь переносит. На это он ответил мне: „Только, пожалуйста, не забудьте, прошу вас, мучения, которые переносят тысячи безымянных пролетариев. Это мучение — вопрос всего рабочего класса, всех анти-фашистов; не делайте из этого личного вопроса“.

Я всегда удивлялся его героической стойкости, с которой он переносил все унизительные наказания и издевательства. Сейчас он стоит передо мною во весь рост своего величия и беспредельной жертвенности за всех эксплоатируемых, оскорбленных и униженных. Я признался ему, что я бы не вынес всего того, что выносит он и покончил бы, вероятно, самоубийством. На это он мне ответил:

„Этого мы не должны делать ни при каких обстоятельствах, даже когда эта бесчеловечность убивает нас . . .

В это время подошел самый свирепый штурмовик, „камарад Цекиг“, а за ним другой штурмовик с русским гакенкрейцером Дмитровым, которые сейчас же набросились на Эриха Мюзама и стали его избивать. Они били его кулаками, стараясь наносить удары в область почек. Они схватили его за руки и стали выламывать пальцы, рвали бороду и волосы на голове, заставляли лизать грязную воду и при этом топтали и пинали его ногами, норовя попасть в голову. Облитый кровью, измученный, обессиленный, больной сердцем Мюзам должен был еще бегать рысью сверху вниз и снизу вверх по лестнице. Это он должен был проделать пять раз подряд, при этом ряд штурмовиков, „арестанты“ Дмитров, Александр Рубах и „Альфонс“, по имени Крафт, били полубежавшего, полукатившегося Мюзама кулаками, ногами и метлами.

Три вышеназванных „арестанта“ умышленно были посажены в одно отделение с Мюзамом для того, чтобы они дьявольски мучили Эриха днем и ночью. Когда я пришел в свое отделение конц-лагеря, я был так потрясен, что не мог вымолвить слова. У меня мелькнула мысль:

„Вот это мученичество, которое переносит Эрих Мюзам, есть символ страдания всего рабочего класса третьей империи“ . .

Один товарищ сказал мне: „Ты знаешь, в лице Эриха Мюзама они топчут ногами все человеческие права“.

12 октября 1933 г. Эриха Мюзама вытащили во двор, а все мы, арестованные, должны были собраться вокруг него. Начальник лагерного отделения, штурмовик Шмидт, обратился к нам с такими словами:

— „Полюбуйтесь на это жалкое, разбитое и испуганное существо — это ваши лидеры, это — Эрих Мюзам из Мюньхенской Красной Республики. Мюзам, это — ты?

— „Да, это — я“, ответил Мюзам.

— „Смотрите, смотрите, эта жидовская свинья еще гордится этим“, сказал штурмовик Шмидт.

Пролетарии шептали друг другу.

— „Вот, если бы там стоял Гоббельс, то он действительно, произвел бы впечатление разбитого и испуганного существа, но Мюзам стоит здесь прямо и мужественно, несмотря на все страдания и издевательства, которые он перенес“.

На завтра Мюзама вытащили во двор № 5. Туда согнали всех арестованных евреев. Их заставили избивать Мюзама. И горе было тому несчастному, который, по мнению штурмовиков, не бил „как следует“ — такой сам получал свою долю.

Арестованные евреи вообще переносили страшные мучения. Так, например, однажды я видел как 12 арестованных евреев чистили сортиры и мусорные ямы одни лапатами, а другие голыми руками. Один из них должен был подгонять к работе своих товарищей, избивая их огромной дубиной, булавой.

11-го ноября 1933 г. мы видели как Мюзам, уже почти оглохший и избитый до полусмерти, проводил свой „свободный час“ во дворе; он находился тогда в „бункер стацион“, т. е. в штрафной роте, (карцер, в котором арестованных мучили днем и ночью). Так как Мюзам был слаб и не мог двигаться без посторонней помощи, то один из арестованных, некий Левин, помогал ему. Появился командир Танк в сопровождении штурмовика и что-то прочел Мюзаму из газеты. Мюзам время от времени покачивал головой. При этом штурмовик все время пинал Мюзама в колени, а командир делал вид, что „не видит“ этого. Танк ушел. Сейчас же загремела команда: „Закрыть окна!“ Это было сигналом, что командир ушел и что штурмовики могут делать все, что они желают. Это делается для того, чтобы не поставить командира в неприятное положение свидетеля их зверств и чтобы он не отвечал за них.

На Мюзама набросилось 14 штурмовиков, которые избивали его ужасным, бессердечным образом. Они приволокли его к дверям тюремной церкви и там часовой так сильно бил прикладом по спине Мюзама, что приклад сломался. Слышен был только тихий стон. Мюзам никогда не кричал. Он не кричал даже тогда, когда ломали, и сломали, большие пальцы его рук, он издавал только тихие, подавленные стоны.

— „Что за силу имеет этот человек!“ говорили заключенные.

— „Это только его дух поддерживает в нем жизнь“.

Что произошло на дворе № 5 мы сами не видели, но от больных лазарета, окна которого выходят во двор № 5, мы узнали, что 14 штурмовиков около 30 минут зверствовали над Мюзамом и избивали его большими поленьями. Когда, в конце концов, они устали, то они посадили на ворота этого избитого и замученного революционера-поэта, который не мог стоять на ногах, и, в целях удовлетворения своего садизма и чтобы нагнать на Мюзама смертельный страх, стреляли в него из револьверов.

Гуляя во дворе № 5, в углу между кровью и щепками, я нашел стекло от очков Мюзама, которое я и забрал с собой. Один из самых звероподобных штурмовиков, некий Шнейдер, избивая Мюзама, разбил себе правую руку так сильно, что несколько недель носил ее на перевязке.

На следующий день я видел Мюзама в корридоре лазарета, когда он записывался к доктору. Он был страшно избит. Из правого уха свешивалась запекшаяся кровь и в тоже время кровь сочилась безостановочно. Эти его мучения происходили на моих глазах.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

21-ая Конвенция Индустриальных Рабочих Мира.

12-го ноября открылась и 18-го закрылась 21-ая Конвенция Инустриальных Рабочих Мира. На конференции были представлены индустриальный союз полевых рабочих, индустриальный союз лесных рабочих, союз строительных рабочих, союз рабочих по постройке домов, союз шахтеров, союз рабочих морского транспорта и обще рекрутский союз. В качестве представителей прессы были допущены по мандату Международного Товарищества Рабочих тов. Г. Максимов и по мандату финской газеты „Индустриалисти“, один из ее репортеров.

На конференции присутствовало 11 делегатов, располагавших 42 голосами. Конвенция получила приветствие от Международного Товарищества Рабочих и от анархо-синдикалистских союзов острова Кубы.

Два чрезвычайно важных явления необходимо отметить и подчеркнуть. Первое — ободряющий рост членского состава ИРМ, вызванный успешной пропагандой и успешными стачками во многих местах Штатов и особенно в Кливеланде. Второе — настойчивое желание большинства союзов войти в состав анархо-синдикалистского Интернационала — в Международное Товарищество Рабочих. По этому вопросу Конвенция приняла такое решение: выписать изданную Международным Товариществом Рабочих английскую брошюру: „Международное Товарищество Рабочих, его принципы, цели и тактика“, разослать эту брошюру по всем отделам с рекомендацией прочесть ее на деловом собрании и обсудить; затем, по истечении 3-х месяцев, в марте 1935 г., поставить вопрос о присоединении к МТР на референдум. Все делегаты, за исключением Мелера из Нью-Иорка, высказывались за присоединение, а моряки настаивали на немедленном присоединении.

Вполне возможно, что в следующем году И. Р. М. войдут в интернациональную семью революционных рабочих союзов, об'единенных в Международное Товарищество Рабочих. Если это случится, то МТР должен обратиться ко всем американским анархистам с призывом вступать в ряды ИРМ и работать вместе с ними в целях достижения свободного коммунизма и долг всех анархистов откликнуться на этот призыв. Как бы там не было, какие бы недостатки с нашей точки зрения организация И. Р. М. не имела — она является единственной в Америке организацией близкой к нам, к нашим идеям, а чтобы приблизить ее еще больше к нашим идеям, необходимо стать ее членом и активно в ней работать. Общими усилиями необходимо эту чисто рабочую организацию сделать могущественной в Штатах. От всей души желаем быстрого и солидного успеха братской организации Индустриальных Рабочих мира.

Г. М.

ЧЕХО-СЛОВАКИЯ.

Эмиль Вандервельде в восторге

Мы заимствуем эту заметку из № 2 „Ди Интернационале“, органа немецких анархо-синдикалистов, издаваемого при посредстве Секретариата Международного Товарищества Рабочих потому, что она еще лишний раз показывает на фактах как современные социалисты все глубже и глубже погружаются в буржуазное болото.

В „Немецкой Свободе“ Э. Вандервельде дал восторженный отзыв о третьей рабочей Олимпиаде, имевшей место в этом году в Праге. Его ожидания внушительной социалистической демонстрации оправдались. Председатель и представитель 2-го Интернационала рисует эту демонстрацию следующим образом:

„В массе, составлявшей шествие, блистала вся Прага. Пожалуй, красных плакатов, выражавших симпатию и радость, было меньше, чем трехцветных — флаги республики. На эстраде, около Городской Думы, заняли места лидеры партии и делегаты Интернационала, среди которых были городской голова Праги, офицеры всех рангов, генералы и члены дипломатического корпуса. Перед этим официальным обществом свыше 2-х часов тянулись социалистические спортсмены, несшие впереди знамя Интернационала: после полудня в стадионе таже картина.... Музыка играет „Интернационал“, а также и чехо-словацкий гимн; можно было видеть как красные спортсмены занимались, между прочим, солдатской учебной стрельбой.

„Армия с социалистической демонстрацией — это, само собой понятно, может быть только в стране, где чувство национального единства возвышается над классовыми и партийными противоречиями“, констатирует вождь Бельгийской рабочей социалистической партии, бывший королевский министр и нынешний председатель „Рабочего Социалистического Интернационала“.

Это трудно представить в других странах, ибо там чувство единства с капиталистическим государством и его

армией в таких совершенных формах обычно проявляется прежде всего во время войны.

Поскольку Э. Вандервельде имеет право восторгаться результатами чехо-словацкой секции „Рабочего Социалистического Интернационала“, постольку с ним и генералы с дипломатами имеют уверенность, что красные спортсмены не изменят армии и отечеству ни в час опасности ни даже в мирное время“.

ПОЛЬША

Главари компартии — шпионы!

Анархическая еженедельная газета „Фрайе Арбайтер Штимме“, выходящая в Нью-Йорке, сообщает, что Польская Коммунистическая Партия в октябре этого года опубликовала 24-х страничную брошюру, в которой она называет имена целого ряда провокаторов, делавших грязное дело предательства в партии. Мы знаем, что каждая революционная организация стоит перед опасностью иметь в своих рядах предателей. Но в данном случае самым ужасным является то, что между названными провокаторами находятся имена таких людей, которые играли очень видную роль в партийной политике — они были руководящими фигурами в важных рабочих вопросах и они, как установлено, запятнаны рабочей кровью, пролили кровь рабочих, принадлежавших к другим направлениям — анархическому и социалистическому.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Умер Николай Константинович Лебедев.

Косвенным путем пришлось узнать печальную новость — в Москве, в начале октября или в конце сентября (точной даты не знаю), умер Николай Константинович Лебедев, в возрасте 50-55 лет. Обстоятельства его смерти нам неизвестны. Я познакомился с Лебедевым в Москве, в 1918 г. Тогда он издавал газету союза химиков и парфюмеров: „Рабочая Жизнь“. Газета велась им в строгом направлении чистого французского революционного синдикализма. В дальнейшем большевики эти союзы об'единили на индустриальной основе, газету закрыли и Лебедев, что называется, остался не удел. В 1920-х годах он сблизился с Кропоткиным и с издательской анархической группой „Голос Труда“. Будучи человеком чрезвычайно разносторонне образованным и большим знатоком революционного рабочего движения вообще и французского в частности — мне говорили, не знаю насколько это верно, что он был учеником Лягарделя и сдавал ему, вместе со своей женой, Критской, экзамен на знание истории французского рабочего движения — он, вместе с женой, написал замечательную книгу: „История синдикального движения во Франции“, являющиюся единственной превосходной работой на русском языке по этому вопросу.

Работая, в качестве редактора, в издательстве „Голос Труда“, он написал и издал ряд прекрасных брошюр и сборников — издал в сокращенном и переработанном виде большую работу Гильома о Первом Интернационале, составил небольшой сборник: „Свободное Трудовое воспитание“ и ряд других сборников по синдикализму и о Кропоткине; редактировал первое издание „Этики“ Кропоткина и написал к ней заключение, написал брошюру: „Элизе Реклю, как человек, ученый и мыслитель“ и биографический очерк о нем — „Элизе Реклю“, биографичеочерк — „П. А. Кропоткин“ и путеводитель по музею Кропоткина: „Музей П. А. Кропоткина“, которым он заведывал в течении многих лет; в последние годы он уже не работал при музее. Его же перу принадлежит прекрасная брошюра: „К истории Интернационала“.

Лебедев — выходец из крестьян; он был очень скромным, тихим и незаметным. Смотря на его фигуру, никто не мог подумать, что он таит в себе огромные знания. П. А. Кропоткин любил его и, если не ошибаюсь, оставил его в качестве своего литературного душеприказчика и редактора. В другой стране и в другой обстановке Лебедев был бы незаменимым деятелем рабочего движения и принес бы ему колоссальную услугу, в России же он должен был жить жизнью „мертвого трупа“.

Я очень жалею, что не имею в своем распоряжении сведений биографического характера этого, несомненно, замечательного и выдающегося человека — он, как человек и как деятель нашего движения, заслуживает специальной работы и я буду рад, если кто-либо из его друзей сделает это и пришлет нам в журнал.

Смерть Николая Константиновича, несомненно, крупная потеря для анархического рабочего движения. Печально, лучшие уходят в небытие.

Г. М.

Господин Сталин строит социализм

Фундамент социализма, как известно, уже построен в России, так заявил, первосвященник и жрец русской компартии и диктатор страны, Сталин. Теперь возводится само здание социализма. Как же это здание выглядит? Посмотрим на него под продовольственным углом. Известно, что в России установлены три рода цен — 1) твердые заготовительные цены, по этим ценам правительство закупает хлеб у крестьян, платя им в 1933-1934 гг. за кило ржи 6.33 копейки, само же отдавала эту рожь на размол, для выдачи по карточкам, по 22.2 коп. за кило 2) твердые продажные цены по карточкам; 3) коммерческие цены — по ним правительство продает без карточек; эти цены почти всегда на уровне цен, так называемых, колхозных базаров; в начале этого года цена на ржаную муку была 3 руб. 50 коп. кило, в мае же эти цены были повышены больше чем в два раза, заработок же рабочих повышен не более чем на 10%. Сейчас, как нам сообщают из одной подмосковной губернии, цены на основные продукты следующие:

Кило черного хлеба — 1.50, пеклеваный хлеб, кило — 3.00, кило мяса — 8.00 и дороже, кило свинины — 14-18, кило масла (коровьего) — 12.00 руб., кусок сливочного масла в три четверти кило — 7-8 рублей, десяток яиц — 5-6 рублей, бутылка молока — 1.00. Таковы цены. А каков заработок простого рабочего? По коллективному договору государственного авто-ремонтного завода № 1 в прошлом году сторожа, уборщики, курьеры, гардеробщики, дворники и рядовые пожарные получали максимум 75 до 105 руб. в месяц; табельщики, конторщики, счетоводы, секретари, машинистки, регистраторы, архивариусы, кладовщики, статистики младшие и делопроизводители получали максимум — 100-175 руб. в месяц; рабочие первых 4-х категорий получали от 90 до 135.50 рублей в месяц.

Спрашивается, кому же весело и вольготно живется в „бесклассовой“ Руси?

НЬЮ-ИОРК

Волнения среди рабочих Интерборо

Кризис на делах Компании ни сколько не отразился. Как и до начала кризиса, Компания получала и получает по 30 миллионов в год чистой прибыли, ибо движение поездов и количество пассажиров не сокращалось и не сокращается. Тем не менее, Компания решила использовать благоприятный для нее момент. Она начала с того, что в 1932 году об'явила банкрот и этим избавилась от всех мелких держателей акций. Никакие протесты и тре[illegible]ания этой мелкой рыбки, жаждавшей скорой наживы [illegible]гащения, не помогли: она была с'едена крупными аку[illegible]обы доказать действительность банкрота, компания, при помощи федерального суда, назначила опеку из двух лиц. Таким образом произошло формальное ограбление при помощи федерального суда наивного обывателя. Этот обычный в этом преступном мире шантаж и надувательство в последствии был разоблачен особой сенатской комиссией, установившей, что во время об'явления банкрота Компания имела в резерве наличными шесть миллионов долларов, не считая той части прибыли, которая идет на крупные оклады и на вложенный в дело капитал.

Воодушевившись успехом этого грабежа, Компания решила ограбить своих рабочих. Полтора года тому назад было об'явлено рабочим, что „катастрофическое" положение дел вынуждает Компанию сорвать 10% с заработной платы рабочих. Рабочие с затаенной злобой приняли этот „дар", как нечто неизбежное и непредотвратимое.

Кстати, отметим, что после всякого мелкого или крупного грабежа между участниками неизбежно возникают ссоры и недовольства из-за дележа. В качестве обиженного оказался опекун Мурей. Ему назначено жалованье в пять тысяч долларов в месяц, на эту сумму пять рабочих семейств могут жить целый год. Но для Мурея она недостаточна и на месяц, поэтому он потребовал десять тысяч в месяц. Когда же в федеральном суде пытались привести его к порядку, то гос. Мурей обижено заявил: „Я спас для Компании три миллиона с половиною в год, путем сокращения жалованья рабочих на 10%, а поэтому я заслуживаю того, чтобы получить десять тысяч в месяц".

Дальше в лес, больше дров. Десятипроцентовая урезка жалования, давшая Компании добавочных три миллиона в год, разожгла аппетит еще больше. Они решили сорвать еще три с половиною процента. Но беда в том, что NRA запрещает дальнейшее понижение жалования рабочих по всей стране и по всем отраслям промышленности. Но закон что дышло, куда повернул, туда и вышло. Выход из этого небольшого затруднения был найден в том, что гос. Мурей заключил контракт в федеральном суде на право установления пенсионного фонда для престарелых рабочих путем срыва еще четырех долларов в месяц с каждого рабочего, не сообразуясь с тем, что рабочие получают не одинаковое жалованье. При этом Мурей заявил перед федеральными акулами, что он делает это с добровольного согласия всех рабочих. На самом же деле рабочие ничего не знали, что им поднесут этот сюрприз. И только после подписания контракта их, под угрозой расчета, заставили подписываться, гоняя пачками и в одиночку в конторы депо и мастерских. Вынужденные дать свои подписи, рабочие проявили неожиданный для Компании протест и возмущение против затягивания на их шее петли. По своей наивности, рабочие обратились за помощью в компанейский юнион, где их пытались успокоить и убедить, что это делается для их же блага. Убедившись, что юнионные заправили являются сторожевыми псами Компании, возмущенные рабочие, за исключением небольшой части забитых и трусливых, упорно отказываются платить членские взносы и устремили свой взор в сторону коммунистов, которые к этому времени вели упорную агитации среди рабочих Интерборо за создание независимого юниона. В результате всего этого, коммунистам удалось организовать ряд митингов на открытом воздухе и повести успешную вербовку в новый „независимый" юнион.

Рабочий Интербюро.

ОТЧЕТ

Редакционной Коллегии по изданию журнала „Дела Труда", № 82.

ПРИХОД:

ЗА ПРОДАННЫЕ ЖУРНАЛЫ поступило: от группы Ст.-Луиса — 2.30, от группы Кливеланда — 5.00, от группы Юнгстауна — 2.00, от группы Нью-Иорка — 6.00, от Ольги, Чикаго — 0.20, от Миллера, Чикаго (подписка) —1.00, от группы Акрона— 2.00, от Др. С. Н. Е., Чикаго (подписка) — 1.00, от группы Бетлегема — 3.00, от Скобликова, Чикаго — 0.20, от Володкина, Чикаго — 1.50, от Волкова, Чикаго — 2.50, ВСЕГО — 31.70.

В ФОНД „ДЕЛА ТРУДА" поступило: от группы Ст.-Луиса — 0.50, от группы Детройта — 6.00, от Прогрессивного Клуба, Чикаго — 4.50, от группы Юнгстауна — 13.00,, от группы Бетлегема — 2.00, от Союза Русских Рабочих, Лос-Анжелоса — 10.00, от Ф. М. из Эмбриджа — 4.00, от группы Акрона — 1.50, от группы Нью-Иорка — 7.50, от группы Кливеланда — 7.50, от Союза Российских Тружеников Монтреаля, Канада — 4.00, от группы Шенандоа, Пенс. — 3.00, от тов. Феденко, Бетлегем — 1.00. ВСЕГО: 64.50.

ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ В С.С.С.Р. АНАРХИСТАМ поступило: от группы Юнгстауна — 7.50, от Ф. М. из Эмбриджа — 1.00, от группы Кливеланда — 7.50. ВСЕГО: 16.00

ЗА ЛИТЕРАТУРУ поступило: от группы Ст.-Луиса (за брошюру „Грядущая Мировая Бойня") — 1.20, от группы Детройта — 1.23. ВСЕГО: 2.43.

ОБЩИЙ ПРИХОД по всем статьям — 114.63. ПЕРЕХОДНАЯ СУММА — 7.18. ВСЕГО В КАССЕ — 121.81.

РАСХОД:

Типографии — 107..50, экспедиция — 12.75, Клише — 2.93, уплочено в Комитет Помощи политическим заключенным в СССР — 16.00, внесено в Комитет по изданию дешевой литературы — 2.43, расходы Федеративного секретаря — 2.05. ВСЕГО: 143.66.

ПРИХОД — 121.81. РАСХОД — 143.66.

ДЕФИЦИТ — 21.85.

От Редакции.

Отчеты Нью-Иорка, Детройта, Юнгстауна, Кливеланда и Библиотеки „Дела Труда" будут помещены в следующем номере.